

The Old Man (Старик)

By Olga N.
(Sofia Engelgardt)

Translated from the Russian
by Erik McDonald

English translation and supporting materials (character list, afterword, original portions of the bibliography, and endnotes) © 2016, Erik McDonald. Licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license, <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The Russian text of the story, by Olga N. (Sofia Engelgardt), is in the public domain and is available in its original form [here](#). In this e-book the Russian has been adapted to the modern orthography, with apparent typographical errors corrected and noted individually.

The Old Man

It was... was it really only 12 years ago, and not a hundred? I had been ill all winter, and my doctors sent me off to the country for the spring. It is difficult to convey how strong my desire to leave Moscow had become, as I had spent several years in that city without a day away. At the arrival of each spring I envied those fortunate people who were parting with Moscow, from the landed gentleman who had spent all his money there, to the factory worker heading back to his native village for Easter Day. In the city, the signs of spring take on a caricatured form: sidewalks instead of fields; birds in cages, and not free; instead of a forest, the scraggy lindens of Tver Boulevard whose leaves begin to turn grey from dust the moment they start to grow... I had been in thrall to melancholy all summer. How great was my joy when it was decided that I should go to the country, with my aunt, Katerina Alexeyevna N., and her son Rostislav, recently graduated from the university.

My aunt was a darling old woman who was always a bit dressed up, rather fastidious in her ways, as modest in her language as a girl in boarding school, and as soft as wax when it came to exercising her authority. Rostislav, her only and much-beloved son, was a rather original sort: at the university he was considered not only an excellent student, but also an excellent lad to have about.

It must be said that nature had created him with rather rough tools; but the lack of beauty in his broad face and bulging gray eyes was made up for by the originality of his good-natured and somewhat roguish expression. Fortunately for Rostislav, he was most willing to come to terms with his looks, boasted of his Herculean appearance and solid build, and was in ecstasy over the breadth of his own shoulders. He had failed to reach an accommodation with high society and turned his back on it once and for all, in spite of all Katerina Alexeyevna's pleas and remonstrances. Rostislav was, however, right: elegant manners did not come at all naturally to him; a suit and a white tie rendered him weighty and awkward in a way high society would not have forgiven. On the other hand, in the sort of company where the wearing of overcoats was permitted, Rostislav made a tremendous impression, as one could learn from the good-natured stories of Rostislav himself: one had only to listen to him, and Rostislav liked to be listened to.

We came to Politino (as the village belonging to my aunt was called) a little before five o'clock in the evening. My aunt understood the laws that govern people living under one roof as well as anyone can, and she held to the rule that the mistress of the house should allow one and all complete freedom in their activities. I wanted a rest; I declined dinner, and as I went to my room I heard Rostislav tell his mother that he had *ordered* me to go to bed. I could tell that in all things he found the role of guardian and instructor to his liking; he especially liked to carp at me because my manners and thoughts were too refined. With what pleasure I stretched out on the fresh, snow-white bed! as sleep imperceptibly closed my eyes, as happy thoughts did not abandon me in sleep, I felt I was within sight of the fields, with plenty of space, and free... When I woke up, it was completely dark, and nightingales were wailing in the garden. I quickly got up and left the room, feeling my way and trying to figure out how long I had been asleep. My aunt and Rostislav were sitting with a samovar on a little terrace from which one could see a lane of lindens that adjoined a sort of building.

“What is that dark shape at the end of the lane?” I asked.

“The summer house,” replied Katerina Alexeyevna, “only please don’t go near it.”

“Why not?”

“It’s very old. When my late husband and I lived here, a snake was found near it, and since then the summer house has been kept locked. They say the snakes have established themselves in it.”

“But that’s frightening... Why don’t you have it torn down?”

“Well, that ought to be done,” replied Katerina Alexeyevna. “You should attend to that, Rostya.”

“It’s fine, let the place stay standing,” replied Rostislav. “Nothing happened except that a grass snake got killed.”

But Rostislav’s words did not reassure me. I was terribly afraid of snakes, and much else of which I would later cease to be afraid. Rostislav knew this and took advantage of a chance turn in the conversation to start telling stories that redoubled my fear, a fear he enjoyed like a schoolboy. My kind aunt grew angry and ordered him to be quiet and tried to distract me in all sorts of ways. It was decided that the next day we would go to visit the neighbors, the old Lutvinovs; they had known Rostislav as a child, and Katerina Alexeyevna was impatient to show him to them as a young man. He did not object, and I gladly agreed, remembering my late mother’s stories about Mikhail Fyodorovich Lutvinov, in which he was a wonderful old man.

I spent a bad night. After my recent illness, my nerves were in a sorry state, God knows, and I imagined all sorts of things my first night in that large and unfamiliar house. One moment I heard uneven steps in the hallway, and the next fragments of the sounds of voices. I would jump up in bed and listen with my heart terribly still; but the sounds would suddenly fade away. In the end I gave up sleep, lit a candle, and once I had calmed down, I began to examine the objects that surrounded me. On a wide section of wall opposite my bed hung some family portraits in blackened frames that were not particularly large or elegant. One of them depicted an old man wearing powder and a black suit, with a hooked nose and a double chin. His look was haughty, his head tilted back; but the painter had tried to emphasize this expression, violently pulling up his lower lip so that it rested right under his nose. Next to the portrait of the old man, in an ugly gold frame bedecked with stars, hung in all its splendor a pastel depicting a young woman with a long, curved neck and a thirty-inch bodice who had a dove on her shoulder; the whole pose betrayed pretensions to a head by Greuze.¹ The third portrait was painted in oils and seemed an outsider in the family circle; in the first place, it was hung simply, with no frame, on a nail that protruded through the canvas, and in the second place, it was the portrait of a handsome, dark-haired young man wearing a military coat of modern cut. In the morning I learned from Rostislav that this was a portrait, painted by Tropinin some 15 years ago, of a previous owner of Politino, who, dying, had directed his wife not to sell this village, where he had been born and had grown up. But the will of the deceased was not carried out; and now, Rostislav added, there is a belief among the peasants of Politino

that the shade of the deceived owner appears at night a few times a year with a candle, in that very summer house where, according to my aunt, there were snakes. It was true, Rostislav said, that night watchmen occasionally saw a light in the frame of the locked glass door. During the day I was braver than I was in the evening, and I laughed at the tale Rostislav had invented; but he swore it was no tale and referred me to the house-serfs and peasants as witnesses.

After breakfast we set off for the Lutvinovs'. We were received by a small but still lively old woman in a taffeta blouse and a tulle bonnet with a wig of black hair peeking out from underneath. Katerina Alexeyevna introduced her son and me.

"I'm very glad to meet you, thank you so much for coming," she said, as if she were embarrassed by the presence of people she did not know. "Please do sit down. I wouldn't have recognized Rostislav Mikhailich. My, how he's grown! And I saw the young lady when she couldn't yet walk; and now how she's grown! A head taller than I am."

Tatyana Grigoryevna Lutvinova spoke in a kind and welcoming tone that was at the same time respectful. She personally pulled out a chair not only for my aunt, but also for me. She asked Rostislav whether his chair might not be uncomfortable? In Katerina Alexeyevna's affectionate manner of addressing her, the difference in their upbringing and social position was involuntarily revealed. My aunt asked a few questions about the management of the household, about the harvest, and particularly about a certain apple pillule that Tatyana Grigoryevna was an expert at making.

The Lutvinovs' house was one of those manor houses of the former kind that were built and even furnished according to a particular widely adopted plan. Along the walls of the living room, which were painted dark green, armchairs with straight backs shaped like lyres had been arranged symmetrically. At the far end of the room, a massive, barbaric *canapé* occupied its rightful place between two tiled stoves. In front of the *canapé* was an oval mahogany table. Our hosts apparently paid little heed to repainting their walls or refurbishing their furniture, and by now it was difficult to guess the original color of the woolen material with which the chairs were upholstered. However, the room was brightened by a few antiquated pastels and engravings, and three or four marble busts of excellent craftsmanship. A half-open door led from the living room to a large room that our host had converted to a library and office, which I peered into with interest, when suddenly an old man of about seventy appeared in the doorway. He was pale and gaunt and extremely tall. Thick curls of white hair encircled his cheeks; I found his dark eyes, hawklike nose, and thin lips — all his features — striking not only for being handsome, but also for their intelligent and meditative expression. Mikhail Fyodorovich Lutvinov was wearing a long frock coat of English cut, and he looked every bit the gentleman.

My aunt got up, went over to him, and said rather stiffly, "Mountains do not come together, Mikhail Fyodorovich, but people do; and now it has come about that we too see each other after 12 years." He kissed her hand with that feeling of respect and love for a woman which, unfortunately, is known to people of our era only as legend. He shook my hand, saying a few words of welcome, and clapped Rostislav on the shoulder.

"So, have you finished your studies? Did you graduate with honors?" he asked.

"I did," replied Rostislav modestly.

"Well done!" said the handsome old man, looking him over with a pleased smile. "Well done indeed. No, at your age I was just beginning on the alphabet. Do sit down, do sit down," he went on, sinking into an armchair and pulling one flap of his frock coat over the other. "Let's talk, so I can learn a thing or two from you."

This approach so warmed Katerina Alexeyevna's maternal heart that she prepared to listen quietly and resolved not to interfere in her son's conversation with Mikhail Fyodorovich. She foresaw that Rostislav was to have a chance to display his abilities and knowledge in all their glory, but neither she nor I were to be able to judge this. The conversation took such a serious turn that I, at least, stopped listening, though I could not take my eyes off Mikhail Fyodorovich.

The kind Tatyana Grigoryevna entertained us as best she could, but the resources of her imagination would soon have been exhausted if her niece, a young widow named Stepanida Andreyevna Milshina, and her four-year-old son had not come to her aid. At the sight of strangers, the boy stopped in the doorway and covered his face with his hand. In vain did his mother and great-aunt try threats and entreaties to persuade him to walk politely up to their guests: he remained stubborn, unable to bring himself to look at us.

"I'm sorry, this little fellow of mine is a child of nature, a savage," said Mikhail Fyodorovich. "Leave him be," he said to his wife and his niece, "the time will come when he isn't skittish around ladies. Come to me, Seryozha, or if you don't want to, go out in the garden and run around."

Seryozha rushed to his great-uncle and buried his head in his lap.

"I'm sorry," said Tatyana Grigoryevna, offended on our behalf by Seryozha's impoliteness and his mentor's indulgence of him. "Seryozha's great-uncle is bringing him up as he thinks right and insists that we not interfere."

"I've quite given up," simpered Stepanida Andreyevna. "Let uncle have his way."

"Styosha, you ought to ask the young lady to go for a stroll," said Tatyana Grigoryevna. "Show her the garden, and the vegetable patch too, if she cares to see them."

"Gladly," replied Stepanida Andrevna with seeming reluctance.

I did not know that such a manner was considered the height of elegance in the provinces, and I did not like Stepanida Andreyevna. She was everything that is meant by a full-figured country beauty — ample, blonde, rosy-cheeked, and fair-skinned. She seemed to flaunt her figure, so loose was her muslin blouse, which revealed as much as it could of a coral necklace-adorned décolletage. But when we went down to the garden and I began admiring the trees and flowers, Stepanida Andrevna's good nature got the better of her practiced graces.

"Wait," she said, almost without affectation. "I'll pick you some flowers."

“Wouldn’t Tatyana Grigoryevna and Mikhail Fyodorovich object?”

“Oh, don’t be silly! My uncle and aunt are so kind; they aren’t stingy about anything. Have you come for the whole summer, and after that it’s back to Moscow?”

“Yes; what about you?”

“I live here all the time.”

“How fortunate you are!” I said. It then seemed impossible to me that anyone could be bored in the country, where I had so pleasantly spent a full day and night.

“Fortunate...?” repeated Stepanida Andrevna. “It does get very dull in the country when the neighbors all go away, you know. Of course, it’s a matter of taste. My uncle, for instance, has lived here twenty-five years without going anywhere, of his own free will.”

“Twenty-five years! By himself...?”

“No, with my aunt,” replied Stepanida Andrevna, who had fortunately not understood my involuntary exclamation. “And I’ve lived with them for three whole years, ever since I was widowed. Here’s a bouquet for you. If you like flowers so much, my aunt will send you as many as you like.”

“I see you’ve picked some flowers,” said Tatyana Grigoryevna, when we came back to the living room. “That’s wonderful. And now would you like to take a look at the pictures?”

That is what she called the pastels and engravings.

I stopped in front of a portrait of Rousseau hanging above a marble bust of Voltaire. Mikhail Fyodorovich came over. His eyes were flashing, and his cheeks had even become slightly flushed during his argument with Rostislav.

“Look at him,” he said. “He was a great man; he loved nature. And he gave women their due. He said the state that failed to respect them was lost.”

“But why was he a misanthrope?” I asked, delighted at the chance to talk to the old man. “If he hadn’t had so cold a heart, he would probably have been loved.”

“So that’s your verdict!” replied the old man, shaking his head. “Could the man’s heart have been cold if he loved nature so unreservedly, if he told the truth so boldly to his persecutors’ faces? Believe me, if what he said had not been inspired by love for humanity, it would not have had the influence it did, which I myself witnessed. Yes, madam, Voltaire and Rousseau were very influential... Your cousin was saying just now that both *Emile* and the philosophical tales are obsolete. Thought will move forward, there’s no arguing the point, but they are immortal nevertheless.”

And the old man gave his Penates a tender look.

"I can't imagine Voltaire with an expression like that," I said, indicating the bust. "That's a grimace, not a human face."

"No, it's not a grimace. It's a sad and ironic look," replied Mikhail Fyodorovich. "It's the expression he was given by age, experience, and knowledge of people. Have you seen a portrait of him as a young man?"

"Never..."

Mikhail Fyodorovich asked me into his office and took down from one of the shelves the first volume of a magnificent edition of Voltaire, bound in red morocco with gilt edges.

"Here it is," said the old man, revealing before me a portrait of what was for me a new aspect of Voltaire, a young, handsome Voltaire, the Voltaire who had inspired thoughts far from philosophical in the marquise du Châtelet. But I dared not share this sort of observation with the old man.

"He was accused of being cold too," said Lutvinov, "but one would have had to love mankind very passionately indeed to hurl a satire like *Candide* at it! Even now I expect they say *le doute, l'ironie* when they talk about him, forgetting that he wrote with bitterness and tears. He suffered a great deal before he made peace with the inevitability of evil. When he lay dying a true philosopher at Ferney, he did not anticipate the triumph of his ideas. It's a pity he didn't live to see France place a crown on a bust of him... And what a moment that was! Only the French are capable of such enthusiasm, there's no denying it!"

I found these opinions distasteful, but I could not make up my mind to start an argument with him.

I began to examine the magnificent eighteenth-century editions that made up the bulk of the library. There was not a single Russian book in it, except for Pushkin. I permitted myself to remark on this aloud. The old man waved this away and started speaking about our literature with insulting aloofness. He did like Pushkin, but saw in him nothing more than an imitator of Byron; he knew nothing at all about current writers; he had read *Dead Souls* and expressed the most outrageous views on Gogol! The intelligent old man, whose mind had been shaped by foreign influence, was not exempt from the failing of his time, which was worse than indifferent to the national aspect of things; I was raised with different ideas and felt that the initial favorable impression Mikhail Fyodorovich had made on me had been shaken. I blamed him for being *behind the times*, a natural consequence of his age and his 25 years of isolation. In general youth is less forgiving of age than age is of youth. I took it into my head to argue with the old man, to point out the contradictions his false convictions must have pushed him into; I asked him how he had felt when he took part in the campaign of 1812. Mikhail Fyodorovich considered this a while.

"I did my duty," he said, "and of course I served in the army. But to be honest, my feelings were fanatical, and their master was Napoleon. I thought I wouldn't be able to calmly face death without seeing him... but fate was not as generous with me as that: I fell ill and spent two months in the

infirmary, raving deliriously about Napoleon and him alone. When I recovered, Napoleon was no longer in Russia.”

“And then you left the army?”

“Yes, and after that I settled here. I’d managed to see my fill of people in my youth, but you can never get tired of looking at nature. I like it here... And you too will recover while you’re here, God willing; you look a bit pale and thin...”

The old man took me affectionately by the hand.

Katerina Alexeyevna was ready to leave, but Mikhail Fyodorovich asked her to stay for lunch, “and,” he said, “let me get to know your son a little better and learn a thing or two from him.” This was not mockery: the old man’s ardent nature showed through in his partiality for Rostislav, who was apparently the principal model of progress for him. One must give Rostislav his due. His behavior was tactful, and once he had noticed Mikhail Fyodorovich’s liking for him, he very adroitly and with becoming modesty flaunted his intelligence and knowledge. Mikhail Fyodorovich was quite pleased with his new acquaintances and made jokes, argued over lunch, and drank to the health of the young generation. “Happily, we can go on a bit of a spree today,” he said, putting a serving of rich sauce on his plate.

“Goodness me, Mikhail Fyodorovich!” shrieked Tatyana Grigoryevna, who had already been keeping a worried eye on him for some time. “That’s your second dish of rich food — you had some of the pastries, two glasses of wine...”

“Let me have my treat, Tatyana Grigoryevna,” interrupted Mikhail Fyodorovich. “Besides, this sauce of yours didn’t turn out for some reason.”

“Didn’t it!” said Tatyana Grigoryevna, laid low by this public insult to her management of the house. “Goodness me, it must be your stomach’s upset.”

“No, it did not, madam,” the old man repeated with a teasing smile as he ate the rest of his portion with gusto.

“You were joking,” remarked Tatyana Grigoryevna, with a peal of good-natured laughter.

“We need to raise another glass, to the ladies’ health,” said Mikhail Fyodorovich, pouring Rostislav some wine. “What are you worried about, Tatyana Grigoryevna? I’ve been telling you for thirty-five years that those doctors of yours don’t comprehend a thing. The honors graduate here will say the same.”

It soon emerged that the honors graduate was entirely of Mikhail Fyodorovich’s opinion, and willingly drank the ladies’ health, and especially the health of Stepanida Andrevna. He had decidedly taken a fancy to the buxom beauty; after lunch, he seized the opportunity to go down into the garden with her, and from the terrace where we had our coffee, we could observe that by the end of the conversation,

Stepanida Andrevna had stopped looking at Rostislav from the height of her provincial grandeur, and had even lowered her gaze a few times.

On the way home the talk was naturally about Mikhail Fyodorovich. I was surprised that he had married Tatyana Grigoryevna, who was certainly not a match for him. "He was young," said my aunt. "He fell for a pretty face." I also regretted that he was not a Russian. The honors graduate stood up for the man he had managed to impress with a favorable opinion of his virtues.

"What do you mean, he isn't a Russian?" he exclaimed. "I'm convinced he has a strong sense of national pride, but it manifests itself in an idiosyncratic way."

I smiled. Rostislav continued,

"A neighbor like that is a real find. And Styosha is quite charming."

"Who is Styosha?"

"Stepanida Andrevna."

I laughed.

"There, you see?" said Rostislav. "You are too refined. What difference does it make if I called her a familiar name? She wouldn't have been mad if she'd heard it. She's not as refined as you are, thank God."

"But admit it, she puts on more airs."

"What if she does? She even puts on airs without a hint of affectation or insincerity. It isn't like the calculated high-society coquetry that's a sign of spiritual decay. Go ahead and laugh! But you can be sure of it, if I praise a woman, you can count on that woman. There's nothing false about her. She doesn't like to put up a facade, that's the thing."

"And what, pray tell, was the story you told her that made her blush and cast her eyes down?"

Rostislav smiled at the pleasant memory.

"Nothing much," he replied. "I just told her a little anecdote."

"Oh, Rostya," said Katerina Alexeyevna, "what will I do with you?"

"Nothing, mama," replied Rostislav, kissing her hand. "If you like I'll tell you the same anecdote right now..."

"No, no, thank you kindly, there's no need. You and your anecdotes will be the death of me one of these days."

Upon arriving at home, I went out for a stroll. The feeling of curiosity that leads us to danger, and even gives it a certain charm, brought me to the old summer house. It was in the most remote part of the garden, which was called “the aspen grove” because of the old aspens that shaded the summer house. I don’t know how close I would have been willing to come to that frightening place if the presence of a living person had not given me courage. From a distance I saw Rostislav’s wet-nurse between the trees. She was holding a basket already half-full of young mushrooms that had only just had time to spring up out of the ground after the previous night’s rain. I offered to help her, and we began to talk.

“Tell me, nurse, is it true that they killed a snake here?”

“They well and truly did, dear,” replied the nurse, glad for a chance to speak of the memorable event.

“Was it long ago?”

“Must be six years come St. Peter’s Fast.”ⁱⁱ

“And was it a big snake?”

“It was. Must have been a good five arshins.”ⁱⁱⁱ Spiridonych used to say there was a whole nest of them up in the summer house those days.”

“Did I hear that they say your former master comes to the summer house at night?”

“People have seen him, dear, they most definitely have. Spiridonych has too. After the young master died, a year went by, must be right on the Virgin of Kazan’s Day.^{iv} Spiridonych was on watch, and he sees a light in the windows. Course he ain’t sure at first, so he walks up close to the summer house so as to take a look and see if it was kids playing with a candle. He got close, and there’s the master plain as can be inside, holding a candle. And soon as Spiridonych come close, the master was gone and so was the candle.”

And from then on, according to the nurse, the same phenomenon was repeated every year, though it was true Spiridonych was the only person who could bear witness to it. Apart from him, no one in all of Politino could make up his mind to go out to a secret meeting with the shade of the late master; but Spiridonych was someone they knew well, and no one doubted the truth of his testimony. Apparently his versatility gave him an enviable place in society — he didn’t actually hold any particular position, but what didn’t he do? He helped the church elder collect money, and he let blood, and he placed leeches, and he stitched boots, and he caught fish, and he ground tobacco, and he was a strong reader — he even had in his possession Bruce’s calendar and a complete Russian dream-book, so the peasants of Politino turned to no one else to resolve difficult questions.^v For example, it happened that surveyors built a lookout tower on the boundary line of Politino. Of course, people started to talk — why? What was it for? At last they turned to Spiridonych. “There’ll be war with the Turk,” he replied, plunging all the young men of the village of Politino who were eligible for conscription into a very understandable disquiet.

Rostislav came upon me conversing with his wet-nurse; I admitted to him that I was afraid I would be too frightened to sleep at night.

He thought for a while.

“It’s all right,” he said. “I’ll give the night watchmen a tip, and they’ll probably sing under your window till dawn. With people around, you won’t be a coward.”

Beginning that very day, I really did enter my bedroom to the sounds of a country serenade, listen for a long time to the singing of my native land, and quietly fall asleep.

About three days later, I persuaded my aunt to let Rostislav and me go to the Lutvinovs’. It was about six o’clock; we found Mikhail Fyodorovich in the garden with Seryozha. He was sitting in a Voltaire chair under an enormous linden tree. On a little table next to him was a pile of foreign newspapers that had just arrived from the post office.

“Good afternoon! It’s good of you to remember an old man,” he said, offering us his hand. “At my age it’s enjoyable to be around young people; it somehow makes you younger yourself. You see, I’m out here playing with this little tyke. He’s curious, bless his heart. He took it into his head to start asking me questions about the Pantheon. What could I do? So I explain what the Pantheon is.”

“Do you want to learn things, Seryozha?” I asked.

“No, I don’t,” replied Seryozha.

“It’ll be a long time before I allow him to be tormented,” said the old man. “Until age seven he will be entirely free. That was Rousseau’s rule: studying would only put his curiosity to sleep. Let him learn just as he does: today he found me reading a book, and he stops and thinks about each picture and asks for explanations.”

Tatyana Grigoryevna appeared, along with her niece, and apologized that her household duties had kept her from promptly welcoming their dear guests. Stepanida Andreyevna glowed a radiant, healthy white.

“Mikhailo Fyodorovich, where would you like to have your tea?” asked Tatyana Grigoryevna.

“Serve it out here. We’re young, we’ll drink our tea out in the fresh air,” replied Mikhail Fyodorovich.

Tatyana Grigoryevna used the formal “you” with him, because neither intimacy, nor the years, nor yet habit could make them equals.^{vi} She submitted unconditionally to his superiority, her simple and unrefined nature leaving her unaware of the old man’s spiritual isolation.

“I’m glad,” she would say, “when he has guests to entertain him. After all, he and I have already talked over everything under the sun.”

On these grounds, Tatyana Grigoryevna and I contented ourselves with the role of listeners when Mikhail Fyodorovich, in connection with the newspapers he had received, started a conversation with Rostislav about England. This was the old man's hobbyhorse: England, the English, their ingenuity, their literature, their parliament could nowhere find a more fervent devotee. The old man spoke with great enthusiasm about Lord Byron. Rostislav thought to stop him in his tracks with the name Gogol.

"If Gogol can only be understood by the Russian, that is not to his credit; it is a sentence pronounced on him," said Mikhail Fyodorovich. "A work of art, be it in literature, painting, or music, is remarkable only when it does not cease to be a work of art anywhere, for anyone. Shakespeare's an Englishman, but that didn't keep him from creating general human types. One must be a human being above all, and one should not get excited about the balalaika or the Suzdal school of painting or Gogol merely because these things are Russian. One's desire to educate oneself must take precedence over patriotic vanity."

"You are arguing against your own case, you know, Mikhail Fyodorovich," said Rostislav. "You are Russian yourself."

"I have tried to do no one harm, but to do good to the best of my ability," replied the old man, "and I do not understand how a natural aversion to evil could be considered a specifically Russian trait."

"Won't you try some butter?" interrupted Tatyana Grigoryevna. "It's something we can boast about. This year Mikhail Fyodorovich sent away for some cows for me, and they're beyond compare: they give a pood and a half of butter each."^{vii}

"Let me have some too," said Mikhail Fyodorovich. "And why is it your guests aren't eating anything, Tatyana Grigoryevna? You are clearly falling down as a hostess. Though the young man seems a bit distracted..." he added, smiling and shaking a finger at Rostislav, whose eyes were trained on the approaching Stepanida Andreyevna. "That's all right! We were known to stare sometimes too, after all."

"Uncle," began Seryozha, pointing at Rostislav, "when our guest dies, will he be taken to the Pantheon?"

We laughed.

"How can one say such discourteous things?" said Stepanida Andreyevna. "How can you say our guest is going to die?"

"He is going to die... everyone is going to, aren't they, uncle?" asked Seryozha.

"There, now you try and explain to him why he's wrong," said the old man, laughing, "but say what you like, I don't see that he's done anything he shouldn't."

"If he's a good boy," said Stepanida Andreyevna, kissing her son and giving him a pretzel, "I'll take him with me to Tula."

"I don't want to go to Tula," replied Seryozha, dipping the pretzel in his milk. "I'm going to go to Rome with uncle."

“Right you are, Seryozha — what is there in Tula that we haven’t seen?” said Mikhail Fyodorovich, smiling. His hand rested on his grandnephew’s curly hair, and his calm gaze wandered in the distance, enjoying the beauty of the evening. Looking at the old man’s expressive face, one could not help saying to oneself that he had been through a great deal.

Suddenly the sound of a fortepiano and a woman’s fresh voice drifted out of the open windows, and I asked who was singing.

“Styosha,” replied the old man. “Tatyana Grigoryevna, have the windows closed, but don’t stop her.”

Rostislav hurriedly volunteered to do this errand.

“Don’t you like music?” I asked.

“I like it too much,” replied the old man, “and that’s why I avoid it. I’m too old for it. The other day I asked Styosha to play me some Mozart, and afterward I was no good for anything for a whole day, and I couldn’t sleep at night. There was a time when I played music myself, and do you know, for me music is convincing evidence of the immortality of the soul. It’s a strange thing! The one would seem to have no connection to the other... I won’t claim I can explain it, but I tell you I feel it.”

However, it was getting on toward evening. The old man, adapting to the laws of nature in everything, went to bed when the sun set and awoke when it rose; it was time for us to go home, but Rostislav had not appeared. I decided to take my leave of our hosts and set off toward the hall. Stepanida Andreyevna was singing “God’s Little Bird,” and Rostislav, his elbow propped on the back of her chair, was turning the pages of the music and speaking to the singer in a low voice.^{viii}

The evening was so nice that I suggested that Rostislav and I should return home on foot; Stepanida Andreyevna volunteered to accompany us as far as the edge of the village. Rostislav offered his arm to the corpulent beauty; her lazy, heavy walk betrayed the habits of a sedentary life that left the way clear for her developing portliness. Perhaps this is why my companions moved very slowly and I got a full hundred sazhen ahead of them, so that I was constrained to stop and wait for them by the last plot of land, which was enclosed by a low wattle fence that leaned on a large, branching mountain ash.^{ix} It was beginning to get dark... Up in the sky, a star came out. Stepanida Andreyevna and Rostislav appeared.

“Stepanida Andreyevna,” I said, wishing to tease her escort, “do you want someone close to you, but far away, to think of you right now?”

“Very much... What do I have to do for that to happen?”

“Bow three times to the first star you see after you think of the person.”

“Oh? I didn’t know that. Well, all right — thank you for telling me. He must be thinking of me now,” she said after she had bowed to the star.

“Who is this person?” asked Rostislav in a low voice.

“Who is he...? Don’t try to find out too much, or you’ll grow old too fast.”

“Oh...? That’s another matter,” he retorted in a displeased tone.

I reminded him that it was time for us to get home.

Stepanida Andreyevna bowed a farewell, ignoring her admirer’s sulky countenance, and said,

“I’ll come to see you no later than tomorrow. We ought to see each other as often as we can, since I’m leaving for Tula soon. We are so glad to have you as neighbors. And my uncle just thinks the world of Rostislav Mikhailovich.”

This assurance did not entirely console Rostislav.

“You have such silly superstitions!” he remarked amiably, as he took a seat next to me in the phaeton.

We began to see the Lutvinovs often. Mikhail Fyodorovich and Katerina Alexeyevna liked to reminisce about old times. “Do you remember,” they would sometimes say, “about thirty-five years ago...?” This sort of preamble made me curious against my will. About 35 years ago, Katerina Alexeyevna was a 16-year-old beauty, Mikhail Fyodorovich was courting her, and she was not indifferent to him, and they danced the *menuet à la Reine*. “Do you remember...?” and then there followed dozens of names of friends and enemies who were long dead or lost from view. But the old people returned to the past without any grumbling or even regret. It was a different sort of talk with Rostislav. The old man, with the open-mindedness so characteristic of him, would get carried away by every new idea; he wanted to hear and read about everything in detail and sent away for books at his young friend’s recommendation. Meanwhile his young friend, at the end of a discussion with Mikhail Fyodorovich, would ask Stepanida Andreyevna to sing “God’s Little Bird” or would start in on conversations and stories where she could invariably find a double entendre and would cover her face with a handkerchief as if blowing her nose. That said, Stepanida Andreyevna behaved with a respectable dignity; she customarily answered Rostislav’s compliments with “That’s enough, please — half an hour ago you were still a schoolboy.” She stopped putting on airs with us, constantly brought me bouquets, and helped me embroider a pillow with felt for Katerina Alexeyevna’s birthday.

July came; the weather remained good day after day. We led a quiet and monotonous life, and my nerves improved noticeably. I grew accustomed to falling asleep to the sound of songs and to rising early. My morning was devoted to reading the novels of Walter Scott, and my memories of my first acquaintance with Clara Mowbray, Rebecca the Jewess, and the Duke of Rothsay are so pleasant, so fragrant!^x For each of us the first things we read turn into the best memories of our lives: cheerful and untroubled, we have joined a circle of persons previously unknown to us, loving them without any struggle, hating them without bitterness, and leaving them without disillusionment, with gratitude for the beautiful emotions awakened in us by our first acquaintance with people from novels. Ordinarily I would read right up to lunchtime, and then I was impatient for evening to come. We went to our various rooms early, around ten o’clock, and I spent another hour and a half or so with a book. Once I was so

lost in reading that I didn't hear the clock strike midnight — I couldn't tear myself away from *The Constable of Chester*, a novel in which Walter Scott yielded to his love of the supernatural more than elsewhere.^{xi} After I read the scene with the ghost that appeared to Eveline, I closed the book, my heart skipped a beat, and I looked at the clock... it was after midnight, and unfortunately I remembered that this was the very night when the shade of the former owner of Politino appeared in the summer house. My candles were burning down, the night watchmen's songs had ended long before, and I could hear the pounding of heavy wings against my window in the dead silence of the room. I was overcome by a feeling of unbearable fear; I was about to run to wake up the maid... but then I saw who was to blame for all this disturbance — a moth that had flown in the window, which had been left open for a long time. I felt foolish; I took the moth in my hand to set it free, but, worried that I would crush its wings while opening the window, I went to the living room, where the door to the terrace was not closed overnight. Fresh air poured over me; I looked out into the garden. The dark masses of trees stood in tranquil majesty; from time to time some bird let out a piercing shriek... however, the silence was unimaginable — you couldn't hear a sound, not even the rustling of leaves. Suddenly, exactly opposite me, in the glass door of the summer house, a light flashed and disappeared; an indistinct human form, dressed entirely in white, opened the door from the inside. I shrieked, and when I came to, I was already in my bedroom: Katerina Alexeyevna and my maid were scampering about me.

Katerina Alexeyevna did not know what to think about my nocturnal adventure and decided on the spot that I should sleep in her bedroom, and that the summer house would be torn down without delay. Rostislav forcefully opposed this: he made fun of me and called me a "lunatic maiden." But Katerina Alexeyevna stuck to her guns this time — the summer house was entirely demolished. This incident allowed my aunt to prove that a woman cannot be rid of a certain kind of coquetry, even in old age, with respect to a man she once loved. She forbade me to tell Mikhail Fyodorovich about the ghost, knowing he was not superstitious and would laugh at us.

Naturally this event was much discussed at our house, as it had upset our quiet and monotonous life; finally everyone stopped discussing it, and little by little everything went back to the way it had been before. Stepanida Andrevna set off for Tula to see her mother, and Rostislav began to visit the Lutvinovs less often. In mid-August we got ready to leave for Moscow. As he said goodbye to me, Mikhail Fyodorovich assured me that I would forget him.

"It couldn't be otherwise," he said. "You live in the future, and we live in the past. Live, forget, have your share of joys and sorrows; and if you happen to be in our neighborhood again, then remember an old man."

In early August of '55, I came to Politino again, to see my poor aunt, who had relinquished her Rostislav to the Crimean army. With a feeling of quiet sadness I saw long-abandoned places. When I had come to know them, I was so young I had neither a past, nor any memories; now I looked at Politino differently: I treasured the memory of the past. How much I would have given now to see the old summer house in

its former place in the garden and look through its locked glass door, which then I had not dared approach.

I tried to gather in my room everything that had been there before. I remembered the portrait of the former owner of Politino, but the portrait could not be found. It had been moved from my room to the counting-house, where it hung next to a stained picture from a magazine. But a suitable *pendant* was found for the picture from the magazine, and the poor portrait was then thrown in the attic. What happened to it after that? Did mice eat it, or did someone take pity on it and save it? No one knew. I mourned the loss of it with all my heart, as I would have for the portrait of someone close to me.

The weather was bad in the last days of August; this made the general low spirits even more palpable. Circle-dances and songs had ceased in Politino since the very beginning of the war. Prayer services were held every Sunday, with fervent prayers for peace. Spiridonych's prophecy terrified old and young alike. The French, he said, would not pass over Politino when they went to burn Moscow; at which point he would start in on stories of '12, but such unheard-of, awful stories that his audience's hair stood on end.

But it was not only Spiridonych's audience who were sad. The monotonous days stretched languidly on, with only the days when mail arrived to number them. Letters and newspapers were opened with so much anxiety — mothers who had relinquished their children to the army opened them with so much emotion... But there is no need to remind anyone of this: no one will forget the time when everyone's thoughts were on Sevastopol.

I must admit that I was putting off my visit to the Lutvinovs from one day to the next. At that time not only a word spoken against Russia, but even an indifferent word sounded so dissonant to the Russian ear, it roused such justifiable outrage, that I feared meeting the eighty-year-old admirer of Voltaire and the fifteen-year-old Seryozha, raised by his great-uncle and Rousseau.

Katerina Alexeyevna spent entire days in prayer and did not see anyone. The Lutvinovs had sent to enquire about her several times, and she talked me into visiting them. Then I saw once again the familiar living room that was painted green, and Voltaire the old man with the cynical smile on his lips, and the icy, cold-as-steel face of the misanthrope of Geneva, and General Bonaparte in his characteristic profile. But then there was something new: next to the portrait of Bonaparte was a portrait of Suvorov engraved by Utkin... "Isn't that odd?" I thought — and found myself in the embrace of Tatyana Grigoryevna, who had appeared almost at a run from the interior rooms. As she kissed me, she kept repeating,

"Mikhail Fyodorovich will be so happy! He'll be right out, I told them to announce you."

I asked about Stepanida Andrevna. She had married again long before, lived nearby, and had already produced a half-dozen children. But Mikhail Fyodorovich had not had to part with Seryozha. He had sent away for a French governor for him and found an hourly Russian teacher nearby.

A blond, slender boy, rather cold in appearance, who it was impossible to allow was Stepanida Andrevna's son, came out to the living room and bowed.

"Talk to him in French," Tatyana Grigoryevna whispered to me. "M. Dubois is very pleased with him."

The boy genuinely did speak readily and with a very pure French pronunciation.

"Are you preparing for the university?" I asked.

"No..." he replied, indecisively. "I don't know yet. *L'étranger décidera de ma vocation.*"

"Are you planning to go abroad?"

"Of course," Tatyana Grigoryevna answered for him. "His great-uncle made him a man of property a long time ago, and he can go abroad on his own income."

"Where exactly do you want to go?"

"*Il n'y a que l'embarras du choix, madame,*" replied Seryozha.

"It will be difficult for Mikhail Fyodorovich to part with you."

"Of course; but he does value my freedom and would not want me so much as to feel constrained. However," he added with a smile, glancing at Tatyana Grigoryevna, "I quite expect my great-uncle will enter military service after I leave for Rome."

"What do you mean, military service?" I asked, stunned.

"Mikhail Fyodorovich sees nothing but Sevastopol, waking or sleeping," said Tatyana Grigoryevna.

"Has that been the case for long?"

"Since the beginning of the war he'd been known to get quite pensive," replied Seryozha. "He was on the fence. And now for some time he's simply been going out of his mind. He talks about Sevastopol and learns Count Tolstoy's articles by heart. Really, aunt, we ought to order him a militiaman's uniform..."

Tatyana Grigoryevna started to laugh.

"What an idea," she said.

"Good day," came the voice of Mikhail Fyodorovich.

The old man had gone to seed. His face was a jaundiced yellow; his hair seemed to have grown even whiter; but his expression was the same as before.

"It's been a long, long time," he said. "Tell me, how is Katerina Alexeyevna?"

I told him about my aunt's sad condition.

"I heard," replied Mikhail Fyodorovich, "and I think of her often. It was undoubtedly painful for her to sacrifice her only son. What does he say in his letters? What news of Sevastopol?"

"Sad news; it's hard to keep from despair. And it seems to me that we won't see Rostislav again."

Mikhail Fyodorovich stood and began to pace silently around the room, his hands clasped behind his back.

"Why despair? God willing, we will see him," he began. "And he couldn't not go. Take me: you'd think I was anything but a warlike man, but I found I couldn't sit and do nothing once I was hit where it hurts. Yes, madam; there are feelings that lie hidden away inside us until the time comes."

"Uncle," said Seryozha, who liked to tease the old man, "where did you put Tolstoy's article? I promised M. Dubois I would translate it."

"How could he understand!" replied Mikhail Fyodorovich. "Don't bother. He spews such nonsense and does it so impudently that yesterday I lost my patience and stopped him short. Have you read Tolstoy's article on Sevastopol?" he asked me.

"Naturally."

"Good for you," said Mikhail Fyodorovich, stopping. "Can you believe it? Since I read it, every night I see the dressing station in my dreams. I am constantly pursued by the soldier whose leg was torn off — 'It's all right,' he says, 'it doesn't hurt, take no notice.' My word, what calm heroism! And to think, Seryozha, you and I cried over a sprained wrist, eh...?"

"You know, uncle," the boy replied, blushing, "I only cried because we wouldn't be able to go hunting."

"And what about those men in Sevastopol? Are they thinking about hunting?"

"All honor and glory to them. You must agree, however, that indifference to life demonstrates a lack of acquaintance with life, just ignorance," replied the boy, somewhat put out, and accustomed since childhood to drawing philosophical conclusions.

"You just try and reach consensus with this one; he's my philosopher... No! Young people today are somehow cold," said the old man, wavering between his partiality for his grandnephew and his feeling of patriotic enthusiasm.

I couldn't believe my ears. Or is our congenital feeling of love for our country so strong that neither time, nor habit, nor prejudices can overcome it? In the old man's ardent nature it had declared itself late, but with such energy that all his convictions had been shaken; the principal object of his admiration, England, had been felled from the pedestal where he had been used to seeing her for over half a century. Sinop, the steamship Vladimir, Sevastopol left him enraptured — he got carried away talking about the hopes Russia placed in her young tsar. I was convinced that Mikhail Fyodorovich not only loved Russia, but also knew her as only a Russian can know her.

“That’s just it,” he was saying, “Napoleon was a great man. He knew England and wanted to bring her down. She has a great deal of deceptive glitter. But learn what she’s like in her colonies, where all freedom is smothered; in her schools, where children are beaten till they’re crippled... you will see that the English are despots, an egotistical nation. Let them write whatever nonsense they want about us if it makes them happy and makes us laugh! They won’t defeat Russia that way,” concluded the old man with youthful ecstasy.

Seryozha glanced out the window, announced quite indifferently that his mother had arrived, and unhurriedly went to meet her. It was true: an old-fashioned four-seated carriage had stopped by the porch, and Stepanida Andrevna had emerged from it with numerous children and possessions. Stepanida Andrevna was flourishing even more than before: her full figure had reached such an extreme that it seemed she could not gain any more weight out of courtesy, lest she cause others discomfort. She did not put on airs with me at all, but was good-natured and happy to see me as a past acquaintance; she introduced her children to me, asked all about me and about Katerina Alexeyevna, but — strangely? — not a word about Rostislav; on the other hand, she went on at length about her happy married life and spoke of her eldest son with pride.

“Did you know he is bound for foreign lands soon?” she said, pinching her son’s cheek. “And he is a one! He wants to go so badly that he doesn’t mind leaving us. Meanwhile I can’t bring myself to think what it’ll be like to take him to the train station.”

Seryozha comically raised his eyes heavenward, shrugged, and gave his mother a kiss.

“*Maman*,” he said, “you know I’ll be very sorry to leave you.”

This boy, who had grown up among people of mature years and been raised in an extremely methodical way, had retained nothing of the child. The child of nature looked a proper egoist. His attachment to Mikhail Fyodorovich was apparently his only living feeling, and even it was cold in its expression. Seryozha’s manner with his mother betrayed against his will the distance put between them by the difference in their upbringing.

It was a cold but clear day. Stepanida Andrevna asked if I wanted to look at the garden for old times’ sake. This was almost a sacrifice on her part... The poor woman could scarcely walk, tumbling onto one foot, then the other like a duck, and our walk did not come to a good end.

“No, no, let’s go to the right!” Stepanida Andrevna said to me, with uncharacteristic liveliness, when I stepped onto the boardwalk that led to a grove that had been planted on the far side of the pond. “No, people aren’t to walk here.”

“Why is that?”

“The other side is infested with snakes.”

“Did ours move here from Politino, perhaps?”

“Do they have them in Politino too?”

I naively told her about the razing of the summer house and, of course, about the ghost that had appeared to me personally. Imagine my surprise when poor Stepanida Andrevna became very embarrassed at the end, turned red as a beet, and seemed to avoid looking at me. I was quite flustered myself; we said nothing for about five minutes. My companion made a quite inopportune complaint about the heat, and we headed home.

I visited the Lutvinovs again on a day memorable to me, September first. Mikhail Fyodorovich was pacing the living room in terrible agitation and greeted me with a question:

“Have you heard? Sevastopol has been abandoned to the enemy!”

The old man was holding a crumpled poster, which he handed to me; I read the report. For a long time we said nothing. Seryozha appeared with a rifle on his shoulder; he was just back from hunting.

“Seryozha, Sevastopol has been abandoned!” said the old man.

“Sevastopol...?” repeated Seryozha. “Has it really?”

He read the poster, stood motionless for some time, and then put it on the table and started walking around the room.

“What do you say? Are you sad?” asked the old man.

“It’s annoying!” replied Seryozha. As he did not have any warmth of spirit, his pride had awakened. “M. Dubois will be so idiotically glad. But I tell you this in advance, uncle, I won’t allow him to be glad about it.”

“Oh, how can you say that, my dear,” observed Tatyana Grigoryevna, wiping away her copious tears.

“He may well take offense if you are too hard on him.”

Mikhail Fyodorovich clapped his grandnephew on the shoulder.

“No, let him! Don’t let our boys down!” he said, and again began to pace the room. He was so upset that one could not help being concerned for him. Tatyana Grigoryevna and Seryozha kept a close watch on his every movement.

“Hmph! Be glad, will he!” began Mikhail Fyodorovich. “An idiotic people! What is there to be glad about? What have they accomplished? Who benefits from it? England. And what is England to them? Their natural and irreconcilable and principal enemy! A frivolous, empty people! They are ready to do anything for the sake of a phrase, out of a frivolous love of words. That’s just it — Voltaire was right when he mocked the French. And where is the true glory to be found here...? On whose side? Doesn’t

everyone know that a properly carried out siege must sooner or later overcome any stronghold? But who could have predicted that a stronghold thrown together haphazardly in plain view of the enemy would be able to withstand a year of a properly carried out siege? Yes, sir, it's an empty victory on the part of the French, and on ours it's something truly heroic, it's lasting glory! And what are you all so glum about? Don't you see that the defense of Sevastopol is as good as ten victories?"

M. Dubois came in. The old man stood erect and looked proudly at the Frenchman... The latter looked at him in the manner of a man prepared to listen and respond; but Mikhail Fyodorovich walked slowly out of the room without saying a word.

"Qu'a donc monsieur, au nom du ciel?" asked the puzzled Frenchman.

I left as quickly as I could. A cold autumn rain beat against the windows of the carriage; the final groans of the martyrs of Sevastopol sounded in my ears; the furious face of the old man, Lutvinov, remained before my eyes... But Katerina Alexevna came out to meet me, beaming.

Rostislav is safe and sound; Rostislav has been given the Cross of St. George; Rostislav has been sent from the army to Petersburg... We shall see him.

Naturally, it was decided that we should go to Moscow the very next day; but I did not want to leave without enquiring about Mikhail Fyodorovich, and in the evening I set off to take leave of him. I was received by Tatyana Grigoryevna; the poor old woman was terribly flustered: Mikhail Fyodorovich had fallen ill in earnest.^{xii}

Characters and names

Russian names are made up of a first name, a patronymic based on one's father's first name, and a surname. Where men's surnames end in –in or –ov, women's surnames have an additional –a ending, so that Lutvinova and Milshina are feminine forms of Lutvinov and Milshin. In descending order of formality, these forms of names are used in "The Old Man":

- Full first name and full patronymic (Katerina Alexeyevna, Stepanida Andreyevna, Rostislav Mikhailovich)
- Full first name and abbreviated patronymic (Katerina Alexevna, Stepanida Andrevna, Rostislav Mikhailich)
- Surname used by itself in the third person (Lutvinov)
- Full first name by itself (Rostislav)
- Any of several possible affectionate nicknames formed from the first name (Styosha from Stepanida, Seryozha from Sergey, Rostya from Rostislav)
- Abbreviated patronymic by itself (Spiridonych from Spiridonovich)

The named characters are:

- Katerina Alexeyevna N., the narrator's aunt
- Rostislav Mikhailovich (informally Rostya), son of Katerina Alexeyevna
- Mikhail Fyodorovich Lutvinov (or Mikhailo Fyodorovich), neighbor of Katerina Alexeyevna
- Tatyana Grigoryevna Lutvinova, wife of Mikhail Fyodorovich
- Stepanida Andreyevna Milshina (informally Styosha), niece of the Lutvinovs
- Seryozha, son of Stepanida Andreyevna
- Spiridonych, a serf owned by Katerina Alexeyevna
- M. Dubois, Seryozha's governor

Afterword

The familiar Russian contrast of the men of the 1840s to the men of the 1860s leaves out, as Jehanne M. Gheith remarks, the waves of women writers who came onto the scene in the 1830s and 1850s.^{xiii} That is not to say that these writers were ignored at the time. After her 1853 debut, a woman calling herself Olga N. was welcomed by one critic as “a young writer with great talent about whom we will probably have occasion to speak in greater detail in the coming year” and the most promising of three promising newcomers.^{xiv} This Olga N. was in fact Sofia Vladimirovna Engelgardt (1828-1894), or Sophie Engelhardt, née de Novosiltsoff, as she signed her one publication in French. One of her sisters, Yekaterina Vladimirovna Novosiltseva (d. 1885), was also a writer, who went by T. Tolycheva.

Engelgardt would go on to have a long literary career. In the 1850s she published in four leading “thick journals”; for over a decade (roughly 1859-1872), she was a fixture in Mikhail Katkov’s *Russian Herald*; after 1873, it is true, she found herself largely confined to less prestigious outlets like *A. Gattsuk’s Gazette* (whose pages, however, she shared with the likes of Nikolai Leskov), in addition to writing short books aimed at younger readers. Between 1853 and 1892 she authored some 60 short and medium-length works of prose. Yet her stories were never collected and “fell into undeserved oblivion,” in the words of Mary Zirin.^{xv}

Why oblivion, if it was undeserved? Some reasonable answers to this question apply to broad categories. There isn’t room for every good writer to be prominent on a culture’s bookshelves, so an author doesn’t need to deserve oblivion to find it. Women writers in particular may trickle out of the canon through a hundred small decisions made by male cultural gatekeepers who fail to take them seriously. It’s possible to see Vasily Botkin’s benevolently dismissive tone when writing about Engelgardt’s stories, or Leskov’s caricature of her and her sisters in the Moscow chapters of *No Way Out* (1864), as examples of this last pattern.^{xvi}

One could also hazard guesses about why Engelgardt in particular found more than her share of oblivion. Zirin also remarks that her stories often praise “the virtue of moderation,” and this was not the virtue most in vogue in mid-nineteenth century Russia.^{xvii} Engelgardt’s way of writing about the role of women in society was suspiciously middle-of-the-road enough that one female reader felt the goal of her fiction was to undermine traditional morality, while a few years later another took her to task for claiming woman’s only place was the family hearth.^{xviii} It is also possible that some of her fiction — including “The Old Man” — did not fit into readers’ ideas of what women’s writing was supposed to be.

It is tempting to believe that Olga N.’s oblivion is coming to an end: besides Zirin and Gheith writing about her, several of her harder-to-find works have been republished in 2015 and 2016 by M. A. Biriukova.^{xix}

“The Old Man” may well have been partially autobiographical; in any case the title character has much in common with Engelgardt’s summer neighbor Nikolai Semyonovich Mosolov in her memoirs. Mosolov is described as an old man striking in appearance, who used Rousseau’s system to educate his only son. He liked Pushkin and English horses, and he had engravings and a statuette of Napoleon displayed in his

house. His wife, Marya Ivanovna, was an excellent housekeeper and very humble, though clearly gratified by praise of the food served at her table; Nikolai Semyonovich respected her although, in Engelgardt's telling, she wasn't his intellectual equal. Mosolov kept up with the latest scientific research and enjoyed talking to a young relative of Engelgardt's who was fresh from the university. He went to bed at sunset and rose at dawn. In all this he is very like the fictional Mikhail Fyodorovich Lutvinov, but the memoir account also emphasizes that Mosolov loved art (particularly Leonardo da Vinci), treated his slaves well, and liked to read the Gospel, while it says nothing about his reaction to the Crimean War, any past courtship of a relative of Engelgardt's, or (at least in the section primarily about Mosolov) any analogue of Lutvinov's niece Stepanida Andreyevna.^{xx}

At first glance, its setting in the homes of the rural gentry would seem to qualify "The Old Man" as a "provincial tale," the category Catriona Kelly identifies as encompassing much women's fiction in Russia from 1840 to 1880. But Kelly finds that stories by women about young women then almost always centered on an "escape plot": the heroine either escaped an oppressive life through marriage, or escaped the looming oppression of marriage itself. Stories without an escape plot tended to be about men or older women instead of young female protagonists. Meanwhile, female narrators were rare, and the topic of the female body was usually avoided.^{xxi} Gheith also finds that Engelgardt's women contemporaries were fond of literary critiques of arranged marriages, and additionally notes that they often gave "major narrative roles to characters of lower estates," focused on the problem of communication (including indictments of "society talk"), and wrote "diagnostic texts" that identified major social problems without prescribing particular solutions.^{xxii}

If this is what readers of the time expected from authors with names as feminine as "Olga N.," they didn't find much of it in "The Old Man." It did have a first-person female narrator, and it did not have an escape plot; characters of lower estates appear only in bit parts; and the narrator isn't afraid to talk about women's bodies. Compared to other stories, it does not seem to have any particularly strong link to the problem of communication (though a male character does condemn the habits of high society), and its verdict on the problems of nationalism and cosmopolitanism is too ambiguous to be the diagnosis of a clear social problem.

At first glance, "The Old Man" could perhaps be taken as an attack on the post-Enlightenment cosmopolitanism of Mikhail Fyodorovich, that admirer of Voltaire and Rousseau, England and France, who didn't believe in valuing anything simply because it was Russian. In the other plotline we initially seem to discern an attack on men's taste or even directly on women like Stepanida Andreyevna and Tatyana Grigoryevna. These two sometimes seem more akin to the productive cows and nameless wet-nurse of the story than they are to the men for whom, because of their intellectual limitations, they aren't fitting spiritual companions. Men were not just shallow but foolish to pursue them, as the full figure of one quickly turned into obesity, and the pretty face of the other couldn't save her from needing a wig. But the gradual revelation of the narrator's own naïveté makes us doubt both conclusions. At first she takes the supernatural stories of novelists and peasants seriously and is afraid of the summer house, haunted as it is by stories of a handsome ghost and horrendously long snakes. Later, as she comes to understand what really went on in the summer house and why she wasn't supposed to tell Mikhail

Fyodorovich about it, her (and through hers, our) previous ideas about everything from gender relations to patriotism are called into question.

This translation of “The Old Man” first appeared in serial form on the blog [XIX vek](http://xixvek.wordpress.com) (xixvek.wordpress.com) from May to July 2016. I’m very grateful to all who read and commented on it, including Julia Denne, Alex K., Karen Langley, Tami McDonald, Dmitry Pruss, and Gorkovchanin. I’d especially like to thank Steve Dodson, a.k.a. Languagehat, who offered excellent suggestions on the translation and also first made me aware of Olga N. with [this blog post of April 3, 2013](#). “The Old Man” is published under the [Creative Commons Attribution 4.0 license](#). You are welcome to use it as you like with attribution.

*Erik McDonald
Minneapolis, 2016*

Старик

Это было.... ужели только 12, а не сто лет тому назад? Я прохворала всю зиму и доктора отослали меня на весну в деревню. Трудно передать, как сильно во мне развилось желание оставить Москву, в которой я безвыездно провела несколько лет. При наступлении каждой весны, я завидовала тем счастливым, которые покидали Москву, начиная с прожившегося в ней помещика и кончая фабричным, отправлявшимся на Светлый праздник в свое родное село. В городе весенние образы являются в каком-то карикатурном виде: тротуары вместо полей; птицы в клетках, а не на воле; вместо леса — тощие липы Тверского бульвара, которые, едва распустившись, начинают сесть от пыли.... Уныние овладевало мной на все лето. Какова же была моя радость, когда решено было, что я еду в деревню, с теткой моей, Катериной Алексеевной Н*, и сыном ее, Ростиславом, недавно вышедшим из университета.

Тетка моя была премилая старушка, всегда принаряженная, несколько чопроная в приемах, скромная в выражениях, как институтка, и мягкая правом, как воск. Ростислав, единственный и ненаглядный ее сын, был довольно оригинальное существо: в университете он считался не только отличным студентом, но и отличным малым.

Надо сказать, что природа его создала довольно топорно; но недостаток красоты его скулистого лица и серых глаз, навывукате, выкупался оригинальностью выражения добродушного и плутоватого. К счастью для Ростислава, он сам всех охотнее мирился с своей наружностью, хвастал своей молодцеватостью, плотностью своего сложения, и приходил в восторг от ширины собственных плеч. С большим светом он не поладил и отказался от него раз навсегда, несмотря на все просьбы и увещания Катерины Алексеевны. Впрочем, Ростислав был прав: ему решительно не дались изящные приемы; фрак и белый галстук сообщали ему какую-то мешковатость и неуклюжесть, которых не простил бы ему большой свет. Зато в известном обществе, допускающем пальто, Ростислав производил огромный эффект, в чем можно было убедиться из добродушных рассказов самого Ростислава: стоило только послушать, а Ростислав любил, чтоб его слушали.

В Политино (так называлась тетушкина деревня) мы приехали часу в пятом вечера. Тетушка понимала, как нельзя лучше, законы общежития, и держалась того правила, что хозяйка дома должна всем и каждому предоставлять совершенную свободу действий. Мне хотелось отдохнуть; я отказалась от обеда и, уходя в свою комнату, слышала, как Ростислав рассказывал своей матери, что он мне велел идти спать. Вообще, я могла заметить, что ему была по сердцу роль опекуна и наставника; в особенности он любил на меня поворчать за недостаток простоты в моих приемах и мыслях. С каким наслаждением протянулась я на свежей, белой, как снег, постели! как незаметно сон сомкнул мои глаза; как во сне меня не покидали светлые мысли; я чувствовала себя в виду полей, на просторе и на свободе.... Когда я проснулась, было совершенно темно, и соловьи голосили в саду. Я поспешно встала и ощупью вышла из комнаты, стараясь сообразить, сколько времени проспала. Тетушка и Ростислав сидели за самоваром на маленькой террасе, в виду липовой аллеи, примыкающей к какому-то^{xxiii} зданию.

— Что это темнеет в конце аллеи? спросила я.

— Беседка, отвечала Катерина Алексеевна, — только ты, пожалуйста, близко к ней не подходи.

— А что?

— Ветха очень. Когда мы жили здесь с покойным мужем, около нее нашли змею, и с тех пор беседка заперта. Говорят, в ней змеи развелись.

— Да это страшно... Что же вы не прикажете ее разрушить?

— Да вот, надо будет, отвечала Катерина Алексеевна. Тебе бы, Ростя, этим заняться.

— Ничего, пусть себе стоит, отвечал Ростислав. — Просто, ужа убили.

Но слова Ростислава меня не успокоили. Я страшно боялась змей, и вообще многого, чего впоследствии перестала бояться. Ростислав это знал и воспользовался случайным оборотом разговора, чтоб пуститься в рассказы, удвоившие мой страх, которым он наслаждался, как школьник. Добрая моя тетка рассердилась, велела ему замолчать, и всячески старалась меня развлечь. Было решено, что мы на следующий день поедem к соседям, старикам Лутвиновым; Ростислава они знавали ребенком, а Катерина Алексеевна нетерпеливо желала его показать юношей. Он не прекословил, а я согласилась с удовольствием, помня рассказы моей покойной матери о Михайле Федоровиче Лутвинове, как о замечательном старике.

Ночь я провела плохо. После недавней болезни, мои нервы были в плачевном состоянии, и Бог знает, чего мне не мерещилось на новосельи, в большом незнакомом доме. Мне слышались то неровные шаги в коридоре, то отрывистые звуки голосов. Я вскакивала на постели и прислушивалась с страшным замиранием сердца; но звуки затихали вдруг. Я кончила тем, что отказалась от сна, зажгла свечу и, успокоившись, принялась разглядывать окружающие меня предметы. На широком простенке, против моей кровати, висели в почерневших рамках, небольшие и неизящные семейные портреты; один из них изображал старика в пудре и черном фраке, с горбоватым носом и двойным подбородком; он смотрел надменно, опрокинув голову назад; но живописец старался усилить это выражение, неистово вздернув нижнюю губу, так, что она лежала под самым носом. Рядом с портретом старика, в безобразной золотой рамке, усыпанной звездочками, красовался пастель, изображающий молодую женщину, с выгнутой шеей, с лифом в полтора вершка ширины, и голубем на плече; вся поза обличала претензию на Грёзовскую головку. Третий портрет был писан масляными красками, и смотрел пришельцем в семейном кругу; во-первых, он просто, без рамы, был повешен на гвоздь, который пробивался наружу сквозь полотно; во-вторых, это был портрет красивого, черноволосого молодого человека, в военной шубе современного покроя. Утром я узнала от Ростислава, что это портрет, писанный Тропининым, лет 15 тому назад, с бывшего политинского владельца, который, умирая, завещал своей жене не продавать этой деревни, где он родился и воспитывался. Но воля покойного не была исполнена; и теперь, прибавил Ростислав, между политинскими крестьянами есть поверие,

что несколько раз в году тень оскорбленного владельца является ночью со свечею, в той самой беседке, в которой, по словам моей тетушки, развелись^{xxiv} змеи. Верно то, говорил Ростислав, что караульным случается видеть свет в раме запертой стеклянной двери. Днем я была бодрее, нежели вечером, и смеялась басне, выдуманной Ростиславом; но он божился, что это не басня, и ссылался на дворовых и крестьян, как на очевидцев.

После завтрака, мы отправились к Лутвиновым. Нас приняла маленькая, но еще свежая старушка, в тафтяной блузе и в тюлевом чепце, из-под которого выглядывала накладочка черных волос. Катерина Алексеевна представила меня и сына.

— Очень рада, очень благодарю за честь, говорила она, будто сконфуженная незнакомыми лицами. Милости просим садиться. Ростислава Михайлича я бы и не узнала. Скажите, какой большой! А барышню я видела, когда она еще не ходила; а вот теперь какая большая! Выше меня головой.

Татьяна Григорьевна Лутвинова говорила добродушным, приветливым и вместе почтительным тоном, сама придвигала кресла не только тетушке, но и мне. Ростислава она спросила, не беспокоило ли ему на стуле? В ласковом обращении с нею Катерины Алексеевны невольно проглядывало различие их общественного положения и воспитания. Тетушка сделала несколько вопросов о хозяйстве, об урожае, и в особенности о какой-то яблочной пастиле,^{xxv} которую Татьяна Григорьевна мастерски составляла.

Дом Лутвиновых был один из тех прежних помещичьих домов, которые строились и даже меблировались по известному, общепринятому плану. Вдоль стен гостиной, выкрашенных темнозеленой краской, были симметрично расставлены кресла с прямыми спинками, в виде лир. В глубине комнаты, между двумя изразцовыми печами, занимало свое законное место огромное, варварское *канапе*; против канапе стоял овальный стол красного дерева. Хозяева, по-видимому, мало заботились о поновлении стен и мебели, и уже трудно было угадать первобытный цвет шерстяной материи, которой были обиты кресла; но комнату оживляло несколько старинных пастелей и гравюр, и три, четыре мраморных бюста, замечательной работы. Дверь из гостиной была наполовину отворена в большую комнату, обращенную хозяином в библиотеку и кабинет, и я с любопытством в него заглядывала, как вдруг в дверях показался старик лет семидесяти, бледный, худощавый, огромного роста. Его белые волосы ложились густыми прядями вокруг щек; черные глаза, ястребиный нос и тонкие губы, — все черты его лица поразили меня не только своею красотою, но и выражением ума и мечтательности. Михаил Федорович Лутвинов был одет в длинный сюртук английского покроя, и смотрел джентльменом с головы до ног.

Тетка моя встала, пошла ему навстречу и сказала несколько чопорно: «Горы не сходятся, Михаил Федорович, а люди сходятся; вот и нам довелось свидеться после 12-ти лет.» Он поцеловал у ней руку, с тем чувством уважения и любви к женщине, которое, к сожалению, людям нашей эпохи знакомо только по преданию. Со мною он сделал шаккендс, сказав несколько приветливых слов, а Ростислава потрепал по плечу.

— Что, курс кончили? кандидат? спросил он.

— Кандидат, скромно отвечал Ростислав.

— Молодец! сказал красавец-старик, оглядывая его с довольной улыбкой. Молодец, право. Нет, в ваши года я только что азбуку принимался. Садитесь-ка, садитесь, продолжал он, опускаясь в кресло, и наводя одну полу своего длинного сюртука на другую. — Поговоримте; я у вас кой-чему поучусь.

Этот прием так обрадовал материнское сердце Катерины Алексеевны, что она вся обратилась в слух, и решила не вмешиваться в разговор сына с Михаилом Федорычем, предвидя, что Ростиславу предстоит случай выказать во всем блеске свои способности и познания, но судить об этом не довелось ни мне, ни ей; разговор принял такой серьезный оборот, что я, по крайней мере, перестала слушать, хотя и не могла свести глаз с Михаила Федоровича. — Добрая Татьяна Григорьевна занимала нас, как умела, но ресурсы ее воображения скоро бы истощились, если б на помощь не явилась ее племянница, молодая вдова, Степанида Андреевна Мильшина, с четырехлетним сыном. При виде незнакомых, мальчик остановился в дверях и закрыл лицо рукой. Напрасно мать и бабушка, просьбами и угрозами, принялись убеждать его учтиво подойти к гостям: он упрямылся, не решаясь на нас взглянуть.

— Извините, он у меня сын природы, — дикарь, сказал Михаил Федорович. Оставьте его в покое, обратился он к жене и племяннице; время придет, не будет дам дичиться. Поди ко мне, Сережа, а если не хочешь, ступай в сад, побегай.

Сережа бросился к дедушке и спрятал голову к нему в колени.

— Извините, говорила Татьяна Григорьевна, оскорбленная за нас неучтивостью Сережи и потворством его воспитателя. Дедушка по-своему воспитывает Сережу, и не приказывает нам вмешиваться.

— Я и рукой махнула, сказала Степанида Андреевна, жеманясь. Как дяденьке угодно.

— Стеша, ты бы попросила барышню погулять, сказала Татьяна Григорьевна. Сад покажи, и огород, если угодно посмотреть.

— С удовольствием, отвечала будто нехотя Степанида Андреевна.

Я не знала, что такое обращение верх изящества в понятиях провинции, и Степанида Андреевна мне не нравилась. Она была, во все силе слова, дородная деревенская красавица, полная, белокурая, румяная и белая. Полнотой своей она будто бы щеголяла: так просторно сидела на ней кисейная блуза, голубого цвета, и обнажала по возможности шею, украшенную коралловым ожерельем. Но, когда мы сошли в сад, и я принялась восхищаться деревьями и цветами, добродушие Степаниды Андреевны взяло верх над заученной грацией.

— Погодите, сказала она, почти без жеманства, — я вам нарву цветов.

— Не дорожат ли ими Татьяна Григорьевна и Михаил Федорович?

— Э! полноте. Дяденька и тетенька такие добрые, ни на что не скупятся. Вы приехали на все лето, а там в Москву?

— Да, а вы?

— Я здесь всегда живу.

— Как вы счастливы! сказала я. Тогда мне казалось невозможным скучать в деревне, где я так хорошо провела целые сутки.

— Счастливы?... повторил Степанида Андревна. Ведь в деревне бывает очень скучно, когда разъедутся соседи. Конечно, это зависит от вкусов: вот дяденька по доброй воле прожил здесь безвыездно двадцать пять лет.

— Двадцать пять лет! Один?...

— Нет, с тетенькой, отвечала Степанида Андревна, к счастью не поняв смысла моего невольного восклицания. — Да и я с ними живу целых три года, с тех пор, как овдовела... Вот вам и букет. Если вы так любите цветы, тетенька вам пришлет сколько угодно.

— Ну, вот и цветочков нарвали, сказала Татьяна Григорьевна, когда мы воротились в гостиную, вот и прекрасно. А теперь, не угодно ли картинки посмотреть?

Так называла она пастели и гравюры.

Я остановилась против портрета Руссо, висевшего над мраморным бюстом Вольтера. Михаил Федорович подошел. Его глаза блистали, даже щеки слегка разгорелись в споре с Ростиславом.

— Смотрите, смотрите, сказал он. Великий был человек, любитель природы. И женщинам знал цену. Он сказал, что пропало то государство, которое их не уважает.

— Но почему он был мизантроп? спросила я, обрадованная случаем поговорить с стариком. Если бы он сам не был сух сердцем, его бы наверное любили.

— Вот какой приговор! отвечал старик, качая головой. Мог ли быть сух человек, который так безусловно любил природу, так смело говорил правду в глаза своим гонителям? Поверьте, что если бы его слова не были ему внушены любовью к людям, они бы не имели того влияния, которое имели, и которому я был свидетелем. Да-с; Вольтер и Руссо имели большое влияния... Вот и ваш братец говорит, что устарели и Эмиль, и философические сказки; мысль идет вперед, — слова нет, — а все-таки они бессмертны.

И старик с умилением взглянул на своих пенатов.

— Я не могу себе представить Вольтера с такой физиономией, сказала я, указывая на бюст. Это не человеческое лицо, а гримаса.

— Нет, не гримаса, а выражение грустной иронии, отвечал Михаил Федорович. Это выражение, которое сообщили ему лета, опытность и знание людей. Вы не видали его портреты молодым человеком?

— Никогда....

Михаил Федорович попросил меня в кабинет и вынул из одного из шкафов первый том великолепного издания Вольтера, в красном сафьянном переплете, с золотыми обрезами.

— Вот он, сказал старик, открывая передо мной портрет Вольтера в новом для меня виде, Вольтера молодого, прекрасного; Вольтера, внушившего далеко не философические мысли маркизе du Chastelêt. Но такого замечания я не смела сообщить старику.

— Вот и его обвиняли в сухости, сказал Лутвинов, — а как горячо надо было любить человечество, чтоб бросить в него такой сатирой, как Кандид! Пожалуй, и теперь его зовут *le doute, l'ironie...* забывая, что он писал горечью и слезами. Много он пострадал прежде, нежели помирился с необходимостью зла. Умирая истинным философом в Фернее, он не предвидел торжества своей мысли. Жаль, что он не дожил до той минуты, когда Франция короновала его бюст... А какая была минута! Нечего сказать, одним французам сродно чувство энтузиазма!

Неприятны мне были эти отзывы, а вступить с ним в спор я не решалась.

Я принялась рассматривать великолепные издания XVIII века, из которых преимущественно состояла библиотека. В ней, кроме Пушкина, не было ни одной русской книги. Я позволила себе заметить это вслух. Старик махнул рукой и заговорил о нашей литературе с обидной холодностью. Пушкина он любил, но видел в нем не более, как подражателя Байрона; о современных писателях не имел понятия; прочел «Мертвые души» и высказывал дикие мнения о Гоголе! Умный старик, образовавшийся под иностранным влиянием, не миновал недостаток своего времени, более нежели равнодушного к национальным началам; я была воспитана в других понятиях и чувствовала, что сильно потрясено первое выгодное впечатление, произведенное на меня Михаилом Федоровичем. Я вменяла ему в вину его *отсталость*, естественное последствие его лет и 25-летнего уединения. Вообще, молодость взыскательней к старости, нежели старость к молодости. Мне вздумалось поспорить с стариком, указать ему на противоречия, в которые должны были вовлечь его ложные убеждения; я спросила его, с каким чувством делал он кампанию^{xxvi} 12-го года? Михаил Федорович призадумался.

— Я исполнил свою обязанность, сказал он, и, разумеется, пошел в военную службу. Но, сказать правду, фанатическими моими чувствами овладел Наполеон. Мне казалось, что не умру спокойно, если я его не увижу... но судьба меня не побаловала: я занемог, вылежал два месяца в лазарете, и в жару только о Наполеоне и бредил. Когда я выздоровел, Наполеона уже не было в России...

— И тогда вы оставили службу?

— Да, и впоследствии поселился здесь; на людей успел насмотреться смолоду, а к природе никогда не приглядишься; мне и хорошо... Вот и вы, Бог даст, у нас поправитесь; вы что-то бледны и худы...

Старик ласково взял меня за руку.

Катерина Алексеевна собралась ехать, но Михаил Федорович просил ее остаться обедать; «и дайте мне», говорил он, «покороче познакомиться с вашим сыном и поучиться у него». Это была не насмешка: пылкая природа старика обнаружилась в пристрастии к Ростиславу, который, кажется, был для него первым образцом прогресса. Надобно отдать справедливость Ростиславу: он вел себя с тактом, и заметив расположение Михаила Федоровича к себе, — очень ловко, — с приличной скромностью, кокетничал своим умом и познаниями. Михаил Федорович был очевидно доволен своими новыми знакомыми, шутил, спорил за обедом, и пил за здоровье молодого поколения. «Сегодня, на радость, можно и покутить», говорил он, накладывая себе на тарелку порцию жирного соуса.

— Михаил Федорович, помилуйте! возопила Татьяна Григорьевна, которая уже давно беспокойно следила за ним. Уж это вы второе жирное блюдо кушаете; слоеные пирожки кушали, две рюмки вина...

— Дайте полакомиться, Татьяна Григорьевна, перебил Михаил Федорович; а вот соус ваш почему-то не удался.

— Как не удался! сказала Татьяна Григорьевна, пораженная публичной обидой, нанесенной ее хозяйству. Помилуйте, это у вас желудок, должно быть, расстроен.

— Да, не удался-с, задорно повторил старик, улыбаясь, и с аппетитом доедая порцию.

— Вы пошутили, заметила Татьяна Григорьевна, добродушно рассмеявшись.

— А за здоровье дам еще рюмку надо выпить, сказал Михаил Федорович, наливая вина Ростиславу. Что вы тревожитесь, Татьяна Григорьевна? Я вам уже тридцать пять лет повторяю, что ваши доктора ничего не смыслят. Вот и кандидат тоже скажет.

Вскоре оказалось, что кандидат совершенно разделял мнение Михаила Федоровича, и охотно пил за здоровье дам, и в особенности здоровье Степаниды Андревны. Ему сильно приглянулась дебелая красавица; после обеда, он уловил случай сойти с ней в сад, и мы с террасы, на которой пили кофе, могли заметить, что к концу разговора Степанида Андревна перестала смотреть на Ростислава с высоты своего провинциального величия, и даже несколько раз потуплялась.

На возвратном пути речь шла, разумеется, о Михаиле Федоровиче. Я удивлялась тому, что он женился на Татьяне Григорьевне, которая ему вовсе не пара. — «Молод был, сказала тетушка;

увлекся хорошеньким личиком.» Я жалела и о том, что он не русский. Кандидат заступался за человека, которому он успел внушить выгодное мнение о своих собственных достоинствах.

— Как не русский?... воскликнул он. — Я убежден, что в нем живо чувство национальности, но проявляется в оригинальной форме.

Я улыбнулась; Ростислав продолжал:

— Такое соседство сущая находка. И Стеша очень мила.

— Кто такое Стеша?

— Степанида Андревна.

Я рассмеялась.

— То-то и есть, сказал Ростислав, в тебе нет простоты. Что за беда, что я ее так фамильярно назвал. Она бы сама услышала и не рассердилась. В ней, слава Богу, больше простоты, нежели в вас.

— И больше жеманства, сознайся.

— Что же? она и жеманится в простоте душевной, не во вред чувству. Это не то, что великосветское рассчитанное кокетство, которое обличает душевную порчу. Смейся, смейся! Но, будь уверена, что если я хвалю женщину, то на эту женщину можно надеяться: фальши в ней нет, декорации она не любит, так-то.

— А каким это рассказом, скажи пожалуйста, ты ее ввел в краску и заставил потупить глаза?

Ростислав улыбнулся от приятного воспоминания.

— Так, отвечал он, — анекдот рассказал.

— Ах! Ростя, сказала Катерина Алексеевна, — что мне с тобой делать?

— Ничего, мамашенька, отвечал Ростислав, целуя у ней руки, — вот, позвольте, я вам расскажу этот анекдот...

— Нет, нет, покорно благодарю, уволь. Ты меня когда-нибудь уморишь своими анекдотами.

Приехавши домой, я отправилась гулять. Чувство любопытства, которое нас влечет к опасности, и даже придает ей какую-то прелесть, привело^{xxvii} меня к старой беседке. Она стояла в самой глухой части сада, названной *осинниками*, от старых осин, осенявших беседку. Не знаю, как близко я бы решилась подойти к страшному месту, если бы меня не ободрило присутствие живого человека. Еще издали я завидела, между деревьями, кормилицу Ростислава, которая держала лукошко, уже до половины наполненное молоденькими грибами, только что успевшими выскочить из земли, после ночного дождя. Я вызвалась ей помочь и мы разговорились.

— Скажи, кормилица, правда ли, что здесь убили змею?

— Взаправду убили, родная, отвечала кормилица, обрадованная случаем рассказать о достопамятном происшествии.

— Давно?

— Должно быть с Петровок седьмой год пойдет.

— И большая змея?

— Большая; аршинов с пять будет. Спиридоныч сказывал: их, в те поры, целое гнездо в беседке развелось.

— А как это, говорят, будто ваш прежний барин приходит по ночам в беседку?

— Люди видели, родная, точно, видели. И Спиридоныч видел. Как молодой-то барин помер, год прошел, должно быть в самую Казанскую, Спиридоныч был на карауле, вот и видит он в окнах-то свет. Ему, вестимо, сперва невдомек, да и подойди он поближе к беседке, это посмотреть-то, не ребята ли балуют со свечой. Подошел, — а барин, как есть в беседке стоит со свечой. Да как Спиридоныч подошел, так барин пропал и свеча пропала.

И с тех пор, по словам кормилицы, ежегодно повторялось то же явление, о котором, правда, мог засвидетельствовать один и все тот же Спиридоныч. Кроме его, во всем Политине никто не решался отправиться на таинственное свидание с тенью покойного барина; но Спиридоныч был человек известный, и в истине его показаний никто не сомневался. Он, кажется, по милости своей универсальности, пользовался завидным общественным положением; собственно не состоял ни в какой должности, но зато чего-чего не делал? И церковному старосте в сборе денег помогал, и кровь пускал, и пиявки разводил, и сапоги точал, и рыбу удил, и табак тер, и в грамоти был силен, даже обладал Брюсовым календарем и полнейшим российским сонником, так что политенские крестьяне не обращались ни к кому другому для разрешения мудреных вопросов. Случилось, например, что на политенской меже топографы поставили каланчу. Разумеется, пошли толки: зачем и почему? Наконец обратились к Спиридонычу. «Война с турком будет», отвечал он, повергая в очень естественное беспокойство всех годных в рекруты молодых парней села Политина.

Ростислав меня застал в беседе с кормилицей; я ему призналась, что боюсь со страха не спать по ночам.

Он задумался.

— Ничего, сказал он. Я дам на водку караульным, и они, пожалуй, до рассвета будут петь под твоими окнами. На людях не будешь же ты трусить.

Действительно, с того же дня я входила к себе в спальню при звуках сельской серенады, долго прислушивалась к родной песне, и тихо засыпала.

Дня через три я упросила тетку отпустить нас с Ростиславом к Лутвиновым. Было часов шесть; мы застали Михаила Федоровича в саду с Сережей. Он сидел в вольтеровском кресле, под огромной липой; возле него, на столике, лежала кипа иностранных газет, только что привезенных с почты.

— Здравствуйте, здравствуйте; доброе дело, что вспомнили старика, сказал он, протягивая нам руку. Нашему брату с молодежью весело, как-то сам молодеешь. Вот видите, с мальчуганом вожусь. Любопытен, Бог с ним. Вздумал меня расспрашивать о пантеоне; нечего делать, объясняю ему — что такое пантеон.

— Хочешь учиться, Сережа? спросила я.

— Нет, не хочу, отвечал Сережа.

— И долго не дам его мучить, сказал старик. До семи лет он будет на полной свободе. Таково было правило Руссо; ученье только усыпит в нем любознательность. Вот так, пускай учится: сего дня застал меня за книгой, и над каждой картинкой задумывается, и требует объяснений.

Явилась Татьяна Григорьевна с племянницей, извиняясь, что захлопотавшись по хозяйству, не поспела навстречу дорогим гостям. Степанида Андревна сияла белизной и здоровьем.

— Михайло Федорович, где вам угодно чай кушать? спросила Татьяна Григорьевна.

— Сюда давайте, мы люди молодые, на чистом воздухе напьемся, отвечал Михаил Федорович.

Татьяна Григорьевна говорила ему *вы*, потому что ни короткость, ни года, ни привычка не могли их уравнять. Она безусловно покорилась его превосходству, не догадываясь, в простоте своей, о душевном одиночестве старика.

— Я рада, говорила она, когда его занимают гости: — ведь уж мы с ним обо всем переговорили.

На этом основании мы с Татьяной Григорьевной довольствовались ролью слушателей, когда, по поводу полученных газет, Михаил Федорович заговорил с Ростиславом об Англии. Это был конек старика: Англия, англичане, их изобретательность, литература, парламент не могли найти более усердного поклонника. О лорде Байроне старик заговорил с восторгом. Ростислав вздумал остановить его именем Гоголя.

— Если Гоголь доступен только русскому человеку — это ему не похвала, а приговор, сказал Михаил Федорович. Художественное произведение в литературе ли, в живописи, в музыке, тогда только замечательно, когда оно нигде и ни для кого^{xxviii} не перестает быть художественным произведением. Шекспир англичанин, но это не помешало ему создать общечеловеческие типы. Прежде всего надо быть человеком, и не следует восхищаться ни балалайкою, ни суздальской живописью, ни Гоголем, потому только, что все это русское. Стремление к образованности должно брать верх над патриотическим самолюбием.

— Михаил Федорович, ведь вы против себя говорите, сказал Ростислав. Вы сами русский.

— Я старался никому не делать вреда, а по возможности добро, отвечал старик; и не понимаю, почему природное отвращение от зла могло бы почитаться способностью именно русского человека.

— Не угодно ли вам отведать масла? перебила Татьяна Григорьевна. Им можно похвастать. Нынешний год Михаил Федорович для меня выписал коров; бесподобные коровы: по полтора пуда масла дают.

— Уж и меня-то угостите, сказал Михаил Федорович. Да что же это у вас гости не кушают, Татьяна Григорьевна? Видно, плохо потчуете.^{xxix} А молодой человек что-то рассеян... прибавил он, улыбаясь и погрозясь на Ростислава, который следил глазами за приближавшейся Степанидой Андреевной. Ничего! ведь и с нами случилось заглядываться.

— Дедушка, спросил Сережа, указывая на Ростислава, когда гость умрет, отнесут его в пантеон?

Мы рассмеялись.

— Разве говорят такие неучтивости? сказала Степанида Андреевна. Как же можно сказать, что гость умрет?

— Умрет... Не правда ли, дедушка, все умрут? спросил Сережа.

— Вот, вы теперь и потрудитесь ему объяснить, что он не прав, сказал старик, смеясь. — А я, воля ваша, вины в нем не вижу.

— Если он будет умен, сказала Степанида Андреевна, целуя сына и подавая ему крендель, — я его возьму с собой в Тулу.

— Я не хочу в Тулу, отвечал Сережа, обмакивая крендель в молоко. Я с дедушкой поеду в Рим.

— Правда твоя, Сережа, чего мы там, в Туле, не видали? сказал Михаил Федорович, улыбаясь. Рука его покоилась на кудрявой голове внука, и тихий взгляд блуждал вдали, наслаждаясь красотой вечера. Глядя на выразительные лицо старика, нельзя было не сказать себе, что много он пережил.

Вдруг звуки фортепиано и свежего женского голоса послышались из открытых окон; я спросила, кто поет?

— Стеша, отвечал старик. — Татьяна Григорьевна, прикажите затворить окна, а ей не мешайте.

Ростислав поспешно вызвался исполнить поручение.

— Разве вы не любите музыку? спросила я.

— Слишком люблю, отвечал старик, и потому избегаю, — состарелся. На днях я просил Стешу сыграть мне что-нибудь из Моцарта, да целый день ничем не мог заняться, и ночью не спал. Было время, когда я музыкой сам занимался, и знаете ли, музыка для меня убедительное доказательство бессмертия души. Странная вещь! какую, кажется, связь одно имеет с другим?.. Объяснить не берусь, а говорю вам, что чувствую.

Однако вечерело; старик, во всем приноровляясь^{xxx} к законам природы, ложился спать с закатом солнца и вставал с его восходом; нам пора была домой, но Ростислав не являлся. Я решила проститься с хозяевами и отправилась в залу. Степанида Андреевна пела: «Птичка Божия», а Ростислав, облокотясь на спинку ее стула, перевертывал листы нот и что-то в полголоса говорил певице.

Вечер был так хорош, что я предложила Ростиславу воротиться домой пешком; Степанида Андреевна вызвалась нас проводить до околицы. Ростислав подал руку дородной красавице; ее ленивая, тяжелая походка обнаруживала привычки сидячей жизни, сулившей полный простор развивающейся ее полноте. Может быть, по этой причине мои спутники подвигались очень медленно, и я их опередила на целые сто сажень, так что принуждена была остановиться и ждать их у последнего двора, обнесенного низеньким плетнем, пошатнувшимся на большую, раскидистую рябину. Начинало темнеть... Звездочка проглянула на небе. Явились Степанида Андреевна и Ростислав.

— Степанида Андреевна, сказала я, желая подразнить ее кавалера: — хотите ли, чтоб близкий вам человек, с которым вы в разлуке, подумал о вас в эту минуту?

— Очень хочу... А что же для этого надобно сделать?

— Надо три раза поклониться первой звездочке, которую увидите, подумав об этом человеке.

— А?.. я и не знала. Ну, хорошо; спасибо вам, что сказали. Стало быть, он теперь обо мне думает, сказала она, поклонившись звездочке.

— Кто же этот человек? спросил вполголоса Ростислав.

— Кто?.. Много будете знать, скоро состареетесь.

— А?... Это другое дело, возразил он недовольным тоном.

Я напомнила ему, что нам пора домой.

Степанида Андреевна раскланялась, не обращая внимания на надутую физиономию своего обожателя, и сказала:

— Я к вам завтра же явлюсь. Надо бы почаще видаться, я ведь скоро еду в Тулу. Мы так рады вашему соседству. А дяденька просто души не знает^{xxxi} в Ростиславе Михайловиче.

Это уверение не совсем утешило Ростислава.

— Какие у тебя глупые приметы! любезно заметил он, усаживаясь возле меня в фээтоне.

Мы стали часто видаться с Лутвиновыми. Михаил Федорович и Катерина Алексеевна любили вспоминать о старине. — «Помните ли, говорили они иногда, лет тридцать пять тому назад?..» Такое вступление возбуждало во мне невольное любопытство. Лет 35 тому назад, Катерина Алексеевна была 16-летней красавицей, Михаил Федорович за ней ухаживал, и она была к нему равнодушна, и они танцевали *menuet à la Reine*. — «Помните ли?..» и затем следовали десятки имен друзей и недругов, давно или умерших, или потерянных из виду. Но без ропота, и даже без сожаления, старики возвращались к прошедшему. С Ростиславом шли речи другого рода. Старик, со свойственной ему восприимчивостью, увлекался всякой новой мыслью; обо всем хотел подробнее слышать и прочесть, и выписывал книги по указанию своего собеседника. А собеседник, потолковав с Михаилом Федоровичем, просил Степаниду Андреевну спеть *птичку Божию*, или пускался с нею в разговоры и рассказы, в которых она непременно отыскивала двусмысленность и, закрывая лицо платком, будто бы сморкалась. Впрочем, Степанида Андреевна держалась с приличным достоинством; на комплименты Ростислава она отвечала обыкновенно: «полноте, пожалуйста; у вас еще молоко на губах не обсохло.» С нами она перестала жеманиться, привозила мне постоянно букеты и помогала вышивать шерстями подушку, которую я готовила ко дню рождения Катерины Алексеевны.

Настал июль; погода все время стояла прекрасная. Мы жили тихо и однообразно, и мои нервы заметно поправились. Я привыкла засыпать под звуки песен и вставать рано. Утро мое посвящалось чтению романов Вальтера Скотта, и как хороши, как душисты воспоминания о моем первом знакомстве с Кларой Мобре, еврейкой Реббекой и герцогом Ротде! Первые чтения слагаются для каждого из нас в лучшие воспоминания жизни: весело и безмятежно вступили мы в кружок незнакомых нам лиц, любили их без борьбы, ненавидели без горечи и покидали без разочарования, с благодарностью за те прекрасные чувства, которые возбуждает в нас первое наше знакомство с романическими личностями. Обыкновенно я читала до самого обеда, и потом с нетерпением ждала вечера. Мы расходились рано, часом в 10, и я еще часа полтора проводила за книгой. Раз я так зачиталась, что не слыхала, как пробило полночь; не могла оторваться от *Констабля Честера*, романа, в котором Вальтер Скотт, более нежели в других, предался своей любви к сверхъестественному. Прочтя сцену привидения, явившегося Эвелине, я закрыла книгу с замиранием сердца и взглянула на часы... было за полночь, и я на беду вспомнила, что наступил тот самый день, в который тень бывшего политинского хозяина является в беседке. Свечи мои догорали, песни караульных давно умолкли, и в мертвой тишине комнаты слышался стук тяжелых крыльев о стекла моего окна. Мною овладело невыносимое чувство страха; я уже хотела бежать разбудить горничную... но мне попала в глаза виновница всей этой тревоги, ночная бабочка, влетевшая в окно, которое долго оставалось отворенным. Мне стало совестно; я взяла бабочку в руку, чтобы выпустить ее на свободу, но, боясь помять ей крылья, отворяя окно, я вошла в гостиную, где дверь на террасу не затворялась на ночь; меня обдало свежим воздухом; я заглянула в сад. В спокойном величии, темными массами стояли деревья; изредка, пронзительно вскрикивала какая-то птица... впрочем, тишина невообразимая; — не слышалось ни звука, ни

даже шелеста листьев. Вдруг, прямо против меня, в стеклянной двери беседки, блеснул огонек и исчез; неясная человеческая фигура, вся в белом, отворила дверь изнутри. Я вскрикнула и очнулась уже в своей спальне; около меня хлопотали Катерина Алексеевна и моя горничная.

Катерина Алексеевна не знала, что подумать о моем ночном походе и тут же решила, что я буду спать в ее спальне, а что беседку разрушат немедля. Этому сильно противился Ростислав; подтрунивал надо мной и называл меня «*девою-лунатиком*». Но Катерина Алексеевна на этот раз поставила на своем, беседку сломали до тла. При этом случае, тетка моя доказала, что женщина, даже под старость, не отделяется от кокетства известного рода, в отношении к человеку, некогда любимому. Она запретила мне рассказывать Михаилу Федоровичу о привидении, зная, что он не суеверен, и посмеется над нами.

Разумеется, у нас долго и много толковали об этом происшествии, нарушившем нашу тихую и однообразную жизнь; наконец перестали толковать, и мало-помалу все пошло прежним порядком. Степанида Андревна отправилась в Тулу к своей матери, и Ростислав стал реже посещать Лутвиновых. В половине августа мы собрались в Москву. Михаил Федорович, прощаясь со мной, уверял меня, что я его забуду.

— Иначе и быть не может, говорил он. Вы живете в будущем, а мы в прошедшем. Живите себе, забывайте, веселитесь и горюйте вдоволь; а если опять придется вам быть в нашем соседстве, так вспомните о старике.

В начале августа 55 года, я опять приехала в Политино, к бедной моей тетке, отпустившей своего Ростислава в крымскую армию. С чувством тихой грусти увидела я давно покинутые места. Когда я с ними познакомилась, я была так молода, что для меня не было ни прошедшего, ни воспоминаний; теперь я иначе смотрела на Политино: я дорожила памятью прошедшего. Как бы дорого дала я теперь, чтоб увидеть на прежнем месте старую беседку в саду и заглянуть в запертую стеклянную дверь, к которой я тогда не смела подходить.

Я старалась собрать в свою комнату все, что находилось в ней прежде, вспомнила о портрете прежнего политинского владельца, но портрет не нашелся. Из моей комнаты он перешел в контору, где висел рядом с запачканной журнальной картинкой; но к журнальной картинке нашелся приличный *pendant*, и бедный портрет был заброшен на чердак. Что с ним случилось далее? Мыши ли его съели, или кто над ним сжалился и спас, — неизвестно. Я об нем пожалела от души, как пожалела бы о портрете близкого мне человека...

Последние дни августа стояли ненастные; еще чувствительнее стало общее уныние. С самого начала войны прекратились в Политине хороводы и песни; каждое воскресенье служились молебны, при горячих мольбах о мире. Пророчество Спиридоныча приводило в ужас старого и малого. Француз, говорил он, не минует Политина, когда пойдет жечь Москву; при чем пускался в рассказы о 12-ом годе, но такие неслыханные, страшные рассказы, что волос становился дыбом у слушателей.

Но грустно было не одним слушателям Спиридоныча; томительно тянулись однообразные дни, которым велся счет по дням прихода почты. С каким трепетом раскрывались письма и газеты, и с каким чувством их раскрывали матери, отпустившие детей своих в армию... Но нет нужды напоминать об этом: никто не забудет того времени, когда все мысли обращались к Севастополю.

Признаюсь, что я со дня на день откладывала визит мой к Лутвиновым. В то время, не только слово, сказанное против России, но даже равнодушное слово, звучало таким диссонансом для русского уха, возбуждало такое законное негодование, что я боялась свидания с восьмидесятилетним стариком, почитателем Вольтера, и с пятнадцатилетним Сережей, воспитанником своего дедушки и Руссо.

Катерина Алексеевна проводила целый день в молитве и ни с кем не видалась, Лутвиновы несколько раз присылали о ней проведать, и она меня уговорила навестить их. И вот я опять увидела знакомую мне гостиную, выкрашенную зеленой краской, и старика Вольтера, с цинической улыбкой на губах; и сухое, холодное как сталь, лицо женевского мизантропа, и типический профиль^{xxxii} генерала Бонапарта. Но вот и новость: рядом с портретом Бонапарта портрет Суворова, гравированный Уткиным... Что за странность? подумала я, — и очутилась в объятиях Татьяны Григорьевны, которая, почти бегом, явилась из внутренних покоев и, целуя меня, повторяла:

— Как Михаил Федорович обрадуется! сейчас выйдет; я велела ему доложить.

Я спросила о Степаниде Андревне. Она уже давно вступила в другой брак, живет по соседству, и уже обзавелась полудюжиной детей. Но с Сережей Михаил Федорович не расстался. Он выписал для него гувернера француза и отыскал, в соседстве, учителя по часам для русского языка.

Белокурый, стройный, несколько холодной наружности мальчик, в котором не было возможности признать сына Степаниды Андревны, вышел в гостиную и поклонился.

— Поговорите с ним по-французски, шепнула мне Татьяна Григорьевна. Mг Dubois им очень доволен.

Действительно, мальчик говорил бойко и чистейшим французским выговором.

— Вы готовитесь к университету? спросила я.

— Нет... отвечал он, нерешительно, я еще не знаю. L'Etranger décidera de ma vocation.

— Вы собираетесь за границу?

— Как же, отвечала за него Татьяна Григорьевна. — Дедушка уже давно устроил его состояние, и он на собственные доходы поедет за границу.

— Куда же, именно, вы хотите ехать?

— Il n'y a que l'embarras du choix, madame, отвечал Сережа.

— Михаилу Федоровичу будет трудно с вами расстаться.

— Конечно; но он сам дорожит моей свободой, и не захочет и стеснить. Впрочем, прибавил он с улыбкой, взглянув на Татьяну Григорьевну, — я того и гляжу, что дедушка поступит в военную службу, когда я уеду в Рим.

— Как в военную службу? спросила я, остолбенев.

— Михаил Федорович и спит и видит о Севастополе, сказала Татьяна Григорьевна.

— Давно ли это?

— С начала войны он уже начинал задумываться, отвечал Сережа, — колебался; а с некоторых пор просто с ума сходит; толкует о Севастополе, и заучивает наизусть статьи графа Толстого. Бабушка, право, закажемте милиционный мундир...

Татьяна Григорьевна рассмеялась.

— Вот что придумал, сказала она.

— Здравствуйте... раздался голос Михаила Федоровича.

Старик опустился. Его лицо покрылось болезненной желтизной; волосы, казалось, еще побелели; но выражение лица осталось прежнее.

— Давно, давно не видались, говорил он. А что, скажите, Катерина Алексеевна?

Я рассказала о грустном положении моей тетки.

— Слышал, отвечал Михаил Федорович, — и часто о ней думаю. Больно ей было, без сомнения, пожертвовать единственным сыном. Что же он пишет? Какие слухи о Севастополе?

— Грустные слухи; трудно не впасть в уныние. А Ростислава, мне кажется, мы больше не увидим.

Михаил Федорович встал и, сложив руки на спине, принялся молча бродить по комнате.

— Зачем унывать? Бог даст и увидим, начал он. А нельзя было ему не идти. Вот я, казалось, далеко не воинственный человек, а не усидел на месте, когда за живое-то задели. Да-с; есть такие чувства, которые в нас до поры и до времени лежат под спудом.

— Дедушка, сказал Сережа, который любил подтрунить над стариком; где у вас статья Толстого? Я обещал М-г Dubois ее перевести.

— Где ему понять! отвечал Михаил Федорович. И не трудись. Такую окоlesiцу городит, и с такой дерзостью, что я уже вчера из терпения вышел, и его таки порядком осадил. А читали вы статью Толстого о Севастополе? спросил он у меня.

— Как не читать?

— Молодец, сказал Михаил Федорович, останавливаясь. Поверите ли? С тех пор, как я ее прочел, каждую ночь во сне вижу перевязочный пункт. Так меня и преследует солдат, у которого ногу оторвало: *Ничего, говорит, не больно, думать не надо*. Скажите, какой спокойный героизм! Сережа, а вот мы с тобой поплакали, когда руку вывихнули. А?..

— Вы знаете, дедушка, отвечал мальчик, покраснев, — я плакал потому только, что нельзя было идти на охоту.

— А они-то, севастопольские? думают об охоте?

— Честь им и слава. Согласитесь, однако,^{xxxiii} что равнодушие к жизни доказывает незнание жизни, — просто невежество, — отвечал мальчик, несколько раздосадованный, и привыкший сизмала к философическим заключениям.

— Подите, с ним не сговоришь; он у меня философ.... Нет! нынешняя молодежь как-то холодна, сказал старик, колеблясь между пристрастием ко внуку и чувством патриотического энтузиазма.

Я себе не верила. Или так сильно врожденное нам чувство любви к отечеству, что его не могут одолеть ни время, ни привычка, ни предрассудки? Поздно, но с такой энергией сказалось оно в пылкой природе старика, что все убеждения его поколебались; главный предмет поклонения — Англия был повергнут с пьедестала, на котором он привык видеть его более полувека. Синоп, пароход Владимир, Севастополь приводили его в восторг, с увлечением говорил он о надеждах, которые Россия возлагает на молодого своего царя. Я убедилась, что Михаил Федорович не только любил, но и знал Россию, как ее может знать только русский человек.

— То-то и есть, говорил он, — Наполеон был великий человек. Он знал Англию, и хотел ее сокрушить. Много в ней обманчивого блеска. Но узнайте ее в колониях, где подавлена всякая свобода; в школах, где уродуют детей побоями.... вы увидите, что англичане деспоты, эгоист-народ? Пусть они о нас пишут всякий вздор, благо это их тешит, а нас смешит! Этим они не одолеют России, заключил старик с юношеским восторгом.

Сережа заглянул в окно, очень равнодушно объявил, что приехала его мать, и не торопясь пошел к ней навстречу. Действительно, у крыльца остановилась старомодная четвероместная коляска, из которой выбралась Степанида Андревна, с многочисленными детьми и пожитками. Степанида Андревна процветала еще более прежнего: ее полнота достигла крайних пределов; еще потолстеть Степанида Андревна, казалось, не могла из учтивости, чтобы не стеснять других. Она вовсе не жеманилась со мной, и обрадовалась мне добродушно, как старой знакомой; представила мне детей, расспросила обо мне, о Катерине Алексеевне, но — странно? о Ростиславе ни слова; зато распространилась о своем супружеском счастье, и с гордостью говорила о старшем сыне.

— Вы знаете, он скоро едет в чужие края? сказала она, потрепав сына по щеке. И такой, право! Ему так хочется ехать, что и нас не жаль. А я вздумать не могу, каково мне будет его провожать на железную дорогу.

Сереза комически возвел глаза к небу, пожал плечами и поцеловал мать свою.

— Вы знаете, мамá, сказал он, — что мне будет очень жаль с вами расставаться.

Этот мальчик, выросший между людьми зрелых лет, и воспитанный чересчур методически, не сохранил ничего ребяческого. Сын природы смотрел порядочным эгоистом. Привязанность его к Михаилу Федоровичу было, по-видимому, единственным^{xxxiv} живым его чувством, но и оно выражалось холодно. В обращении Серезы с матерью невольно проглядывало расстояние, положенное между ними различием воспитания.

День был холодный, но ясный. Степанида Андревна предложила мне, по старой памяти, взглянуть на сад. С ее стороны это была почти жертва.... Бедная женщина ходила с трудом, переваливаясь, как утка, с ноги на ногу, и не добром кончилась наша прогулка.

— Нет, нет, пойдёмте направо! сказала мне с несвойственной ей живостью Степанида Андревна, когда я ступила на плотину, которая вела к роще, насаженной за прудом. — Нет, тут не ходят.

— А что?

— На той стороне развелись змеи.

— Уж не перешли ли сюда наши политинские?

— А разве есть они и в Политине?

Я, в простоте душевной, рассказала ей о сломанной беседке и, разумеется, о привидении, которое мне самой явилось. Каково же было мое удивление, когда бедная Степанида Андревна переконфузилась в конец, покраснела как рак, и видимо избегала на меня взглянуть. Я сама растерялась совершенно; мы помолчали минут пять. Моя спутница очень некстати пожаловалась на жару, и мы отправились домой.

Я опять навестила Лутвиновых в памятный для меня день, первого сентября. Михаил Федорович в страшном волнении ходил по гостиной и встретил меня вопросом:

— Слышали вы? Севастополь оставлен неприятелю!

В руке у старика была измятая афишка, он мне ее передал; я прочла донесение. Мы долго молчали. Явился Сереза с ружьем на плече; он только что воротился с охоты.

— Сереза, Севастополь оставлен? сказал старик.

— Севастополь?... повторил Сережа, неужели?

Он прочел афишку, несколько времени стоял неподвижно, и положив ее на стол, прошелся по комнате.

— Что ты? Грустно тебе? спросил старик.

— Досадно! отвечал Сережа, в котором, за неимением душевной теплоты, пробудилась гордость.

— M-r Dubois так глупо обрадуется. Но, я вам заранее говорю, дедушка, я ему радоваться не позволю.

— И, что ты, мой милый, заметила Татьяна Григорьевна, обтирая обильные слезы, — он, пожалуй, обидится, если ты с ним круто обойдешься.

Михаил Федорович потрепал внука по плечу.

— Нет! пусть его, не выдавай наших! сказал он, и опять принялся ходить по комнате. Он был так встревожен, что на его счет нельзя было не беспокоиться. Татьяна Григорьевна и Сережа следили за всеми его движениями.

— Гм! радоваться! начал Михаил Федорович. Глупый народ! чему радоваться? Что они сделали? Кому в этом польза? Англии. Да что она им? Естественный, непримиримый, первый их враг! Пустой народ! На все готов из фразы, из пустого словолубия. То-то и есть, Вольтер был прав, когда осмеивал французов. И где тут истинная слава?.. На чьей стороне? Кто не знает, что рано или поздно, правильная осада должна одолеть всякую крепость? Но кто мог полагать, что год правильной осады выдержит крепость, кое-как воздвигнутая в глазах самого неприятеля? Да-с, пустая победа на стороне французов, на нашей стороне истинное геройство, прочная слава! Да что вы все приуныли? Не видите ли вы, что ли, что защита Севастополя стоит десять побед?

Вошел M-r Dubois. Старик выпрямился всем станом, и гордо взглянул на француза... Тот посмотрел на него, как человек, приготовившийся слушать и отвечать; но Михаил Федорович, не сказав ни слова, медленными шагами вышел из комнаты.

— Qu'a donc monsieur, au nom du ciel?.. спросил озадаченный француз.

Я поспешила уехать. В окна кареты бил осенний, холодный дождь, в ушах моих раздавались последние стоны севастопольских мучеников, перед глазами оставалось гневное лицо старика-Лутвинова... Но ко мне навстречу с сияющим лицом вышла Катерина Алексевна.

Ростислав цел и невредим; Ростислав получил георгиевский крест, Ростислав послан из армии в Петербург... Мы увидим его.

Разумеется, было решено, что мы завтра же едем в Москву; но я не хотела уехать, не осведомившись о Михаиле Федоровиче, и вечером отправилась с ним проститься. Меня приняла Татьяна Григорьевна; бедная старуха была в страшных попыхах: Михаил Федорович не на шутку занемог.

Works by Sofia Engelgardt (Olga N.)

Only those works with hyperlinks have been verified. Other entries in the list have been compiled from past bibliographies of Olga N.'s works, including this [1891 publication by the Imperial Academy of Sciences](#), this [1904 entry in the Encyclopedic Dictionary](#), this list from the [Great Biographical Encyclopedia](#), and the one from Mary Zirin's article on her in the [Dictionary of Russian Women Writers](#). See also the [recent online republications](#) of her works in modern Russian orthography by M. A. Biriukova on proza.ru. Genre descriptions used as subtitles are translated as follows: *rasskaz* becomes "story," *byl'* becomes "true story," and *povest'*, which indicates a work longer than a *rasskaz* but shorter than a novel, becomes "novella" (rather than "tale"). *English titles should be treated as provisional*; in many cases I have read only the title, and knowing the content of the work would require some of them to be changed.

You can find an updated version of this list [here](#).

1853

"Деревня: Повесть" (The Country: A Novella) *Otechestvennyye zapiski* 90 (September 1853).

"Утро вечера мудренее: Повесть" (Night Brings Counsel: A Novella) *Otechestvennyye zapiski* 91 (November 1853).

1854

"[Суженого конем не объедешь: Повесть](#)" (There's No Escaping Your Intended: A Novella) *Otechestvennyye zapiski* 92 (February 1854): 387-458.

"[Не так живи, как хочется, а так, как Бог велит: Повесть](#)" (Live Not As You Like, But As God Commands: A Novella) *Sovremennik* 48 (December 1854): 269-342.

1855

"На весь свет не угодишь" (You Can't Please Everyone) *Otechestvennyye zapiski* 98 (February 1855).

"Сон в руку: Рассказ" (A Prophetic Dream: A Story) *Panteon* (April 1855).

"Ум придет — пора пройдет" (By the Time You Figure It Out, It's Too Late) *Otechestvennyye zapiski* 101 (July 1855).

1856

"[Конь и о четырех ногах да спотыкается](#)" (A Horse Has Four Legs, and Even So It Stumbles) (play) *Otechestvennyye zapiski* 108 (October 1856): 270-311.

1857

[“Старик”](#) (The Old Man) *Biblioteka dlia chteniia* 142 (March 1857): 25-49.

1859

“Сила солону ломит” (What Can the Mouse Do against the Cat?) *Biblioteka dlia chteniia* 153 (January 1859).

“Мираж” (Mirage) [I-XII](#) in *Russkii vestnik* vol. 21, book 1 (May 1859): 129-76, second part apparently in *Russkii vestnik* vol. 21, book 2 (May 1859)

1860

[“Оболись: Повесть”](#) (They Miscalculated: A Novella) *Biblioteka dlia chteniia* 158 (January 1860): 1-84 (pp. 35-54 are missing from the linked Google Books copy).

[“Княжны Тройденовы: Повесть”](#) (The Princesses Troydenova: A Novella) *Russkii vestnik* vol. 25, book 1 (February 1860): 554-99.

“Письма из Парижа” (Letters from Paris) *Moskovskie vedomosti* 162, 180, 199 (1860).

1861

“Скользкий путь” (A Slippery Slope) *Russkaia rech'* (1861): 83-89. A different source gives the title as “Скользкий шар” (A Slippery Step). Jehanne M. Gheith describes this story as an “elaborated society tale” (“Women of the 1830s and 1850s,” in *A History of Women’s Writing in Russia*, ed. Adele Marie Barker and Gheith, Cambridge, England: Cambridge UP, 2002, p. 89).

[“Судьба или характер?”](#) (Fate or Character?) *Russkii vestnik* 36 (November 1861): 125-76.

1862

[“Камень преткновения”](#) (A Stumbling Block) *Russkii vestnik* 42 (December 1862): 590-635.

1863

[“Семейство Турениных”](#) (The Turenin Family) *Otechestvennye zapiski* 146 (January 1863): 296-402. Gheith notes that Engelgardt here “places a female servant in the key narrative role”: “Women of the 1830s and 1850s,” p. 91.

1864

[“Два новоселья: Повесть”](#) (Two Housewarmings: A Novella) *Russkii vestnik* 52 (July 1864): 170-245.

[“Лиза”](#) (Liza) *Epokha* 8 (August 1864): 1-26.

[“Где же счастье?: Повесть в письмах”](#) (Where Is Happiness?: A Novella in Letters) *Russkii vestnik* 53 (September 1864): 80-154. This work is signed with a Cyrillic “Н. О.” (N. O.) instead of “Olga N.” For its authorship by Engelgardt see L. N. Nazarova, “Sovremennitsa ob ‘Ottsakh i detiakh,’” in [I. S. Turgenev: Voprosy biografii i tvorchestva](#), ed. N. N. Mostovskaia and N. S. Nikitina (Leningrad: Nauka, 1990), p. 190.

See also Dubia, below.

1865

[“Два свидания”](#) (Two Meetings) *Russkii vestnik* 56 (March 1865): 216-76.

“Враг горами качает: Повесть” (The Enemy Shakes the Mountains) *Russkii vestnik* 59-60 (October-November 1865).

1867

[“Не сошлись: Повесть”](#) (They Did Not Come Together: A Novella) *Russkii vestnik* 68 (April 1867): 776-817. Republished as a separate book the same year: *Не сошлись: Повесть Ольги Н.* (Moscow: Univ. Tip., 1867). 44 pp.

1868

[“Не одного поля ягоды: Повесть”](#) (Not Cut from the Same Cloth: A Novella) *Russkii vestnik* 76.2 (August 1868): 485-549.

1869

“Сон бабушки и внучки” (The Dream of a Great-Aunt and Great-Niece) *Vestnik Evropy* (June 1869): 647-?.

1870

“Н. Ф. Щербина” (N. F. Shcherbina) *Zaria* 2 (May 1870): 67-93.

“На родине: Повесть” (In One’s Homeland: A Novella) *Russkii vestnik* 88 (August 1870).

1872

[“Так Бог велел: Повесть”](#) (So God Commanded: A Novella) *Russkii vestnik* 100 (August 1872): 532-96. Apparently republished as part or all of *Так Бог велел: Повести Ольги Н.* Russkaia biblioteka 5 (Moscow: Univ. Tip., 1907). 92 pp.

1873

Красное яичко (The Little Red Egg). Knizhki dlia shkol 71. Moscow: O-vo rasprostraneniia polezn. kn., 1873. 30 pp.

Рассказ матери Маргариты (Mother Margarita’s Story). Knizhki dlia shkol 73. Moscow: O-vo rasprostraneniia polezn. kn., 1873. 39 pp. [2nd ed.], Moscow, 1878. Knizhki dlia shkol 168. 40 pp. Published [on proza.ru](http://on.proza.ru) in 2015 by M. A. Biriukova.

1874

“Воспоминания на даче: Отрывок из романа” (Recollections at a Summer Cottage: An Excerpt from a Novel) *Russkii vestnik* 112 (July 1874).

Коробейник: Три рассказа: 1. Звезда 2. Арапка 3. Петушок колдун (The Pedlar: Three Stories. 1. The Star 2. Арапка 3. The Cockerel-Sorcerer). Knizhki dlia shkol 85. Moscow: O-vo rasprostraneniia poleznykh knig, 1874. 46 pp. 2nd ed., Moscow, 1890. 51 pp. 3rd ed., Moscow, 1897. 64 pp.

1875

Oeuvres de Pouchkine, traduites du russe par Sophie Engelhardt, née de Novosiltsoff: Boris Godounoff; le Chevalier avare; Mozart et Saliéri; les Nuits d'Égypte (Pushkin's Works, Translated from the Russian by Sophie Engelhardt, née de Novosiltsoff: Boris Godunov, The Covetous Knight, Mozart and Salieri, Egyptian Nights), Paris: Berger-Levrault, 1875.

1876

“[Марфа: Быль](#)” (Martha: A True Story) *Gazeta A. Gattsuka*, no. 1-2 (January [8th](#) and [14th](#), 1876).

1877

“Из давно прошедшего: Рассказ” (From the Distant Past: A Story) *Gazeta A. Gattsuka*, no. 8-9 (1877).

“Заблудшая: Рассказ” (A Woman Gone Astray: A Story) *Gazeta A. Gattsuka*, no. 12-17 (1877).

“Черный сургуч: Быль” (Black Sealing Wax: A True Story) *Gazeta A. Gattsuka*, no. 32-35 (1877).

“Аришина тайна” (Arisha's Secret) *Sovremennye izvestiia* (issues from July 1878).

1878

“Рано или поздно: Рассказ” (Sooner or Later: A Story) *Gazeta A. Gattsuka*, no. 1-2 (1878).

“Отцовский грех: Рассказ” (A Father's Sin: A Story) *Gazeta A. Gattsuka*, no. 32-35 (1878). Republished as a separate book the same year: *Отцовский грех* ([Moscow]: tip. A Gattsuka, 1878). 34 pp.

1879

“Две любви: Рассказ” (Two Loves: A Story) *Gazeta A. Gattsuka*, no. 4-9 (1879).

“Старая вера: Повесть” (The Old Faith: A Novella) *Russkii vestnik* 140 (March 1879).

“Царицыны четки: Рассказ” (The Empress's Beads: A Story) *Gazeta A. Gattsuka*, no. 35-42 (1879).

1880

“Селехонские: Рассказ” (The Selekhonevskys: A Story) *Gazeta A. Gattsuka*, no. 13-20 (1880). Republished as a separate book the same year: *Селехонские: Рассказ Ольги Н.* (Moscow: Tip. A. Gattsuka, 1880). 71 pp.

“Бабушкин дом: Повесть” (Grandmother's House: A Novella) *Gazeta A. Gattsuka*, no. 28-34 (1880).

Клад: Рассказ странника (The Treasure: The Story of a Wanderer), St. Petersburg: Dosug i delo, 1880. 24 pp. Published [on proza.ru](http://on.proza.ru) in 2015 by M. A. Biriukova.

1881

“[Злоба дня: Повесть](#)” (The Talk of the Town: A Novella) *Russkii vestnik* 152 (April 1881): 748-831.

1882

“Вечер на святках: Святочный рассказ” (A Yuletide Evening: A Christmas Story) *Gazeta A. Gattsuka*, no. 1-7 (1882).

“Один Бог правду видит: Рассказ” (God Alone Sees the Truth: A Story) *Gazeta A. Gattsuka*, no. 41-46 (1882).

1883

“Не первая и не последняя: Рассказ” (She’s Neither the First Nor the Last: A Story) *Russkii vestnik* (September 1883).

“Человеческое сердце — загадка: Рассказ” (The Human Heart is a Riddle: A Story) *Gazeta A. Gattsuka*, no. 2-7 (1883).

1884

“Доброе дело — красное яичко” (A Good Deed — The Little Red Egg) *Detskii otdykh* (1884). Cf. *Красное яичко* under 1873.

“[Быль сороковых годов](#)” (A True Story of the Forties) *Russkii vestnik* 174 (December 1884): 523-75.

1885

“Изгнанница Бориса Годунова: Историческая повесть” (She Was Exiled by Boris Godunov: A Historical Novella) *Detskii otdykh* (January-February 1885). Published [on proza.ru](http://on.proza.ru) in 2015 by M. A. Biriukova.

“Просьба на Екатерину II” (A Petition to Catherine II) *Detskii otdykh* (July 1885). Published [on proza.ru](http://on.proza.ru) in 2015 by the Biblio-Biuro Strizheva-Biriukovoi.

1887

“Из воспоминаний” (From My Memoirs) *Russkii vestnik* (October-November 1887). See also 1889, 1890.

1889

“Из прошлого” (From the Past) *Russkii vestnik* (July 1889). See also 1887, 1890.

“Русские люди и русский край” (Russian People and the Russian Land) *Detskii otdykh* (January 1889).

“Николай Алексеевич Северцов” (Nikolai Alexeyevich Severtsov) *Detskii otdykh* (1889).

1890

“Из воспоминаний” (From My Memoirs) *Russkoe obozrenie* (November 1890). Published [on proza.ru](http://on.proza.ru) in 2016 by the Biblio-Biuro Strizheva-Biriukovoi. See also 1887, 1889.

“Быль” (A True Story) *Sever*, no. 20 (1890).

1891

“Петр Иванович Корондеев: Быль” (Pyotr Ivanovich Korondeyev: A True Story) *Russkoe obozrenie* (May 1891).

Святочный рассказ (A Christmas Story), Moscow: A. A. Levenson, 1891. 27 pp. See also 1882.

1892

“Пропажа: Рассказ старосветского помещика” (What Went Missing: The Story of an Old-World Landowner) *Russkoe obozrenie* (August 1892).

Dubia

One [source](#) lists “[Семейство Икимских: Повесть](#)” (The Ikimsky Family: A Novella) *Russkii vestnik* 52 (August 1864): 522-89 among stories by Engelgardt. However, that story is signed “Novinskaia” at the end of the story, in the table of contents, and when it was published as a [separate book](#). Novinskaia was the pseudonym of [Anna Vasilevna Pavlova](#) (?-1877); Pavlova is listed in multiple sources as having been born in 1852, but surely either the birth year or the attribution of the pseudonym is incorrect, as “Novinskaia” began publishing in 1860.

ⁱ The phrase with the measurement could literally be translated “with bodice at one-and-a-half vershoks width,” where 1½ vershoks is 2¾ inches (67 mm). The translation of this phrase as “with a... thirty-inch bodice,” which the translator concedes may be incorrect, assumes that 1½ vershoks is shorthand for 1 arshin, 1½ vershoks (30¾ inches, or 78 cm). Adult height was almost always between 2 and 3 arshins (between 4’8” and 7’0”, or 142 cm and 213 cm) and was often expressed as a number of vershoks, which were to be added to an implied 2 arshins.

ⁱⁱ St. Peter’s Fast, or the Fast of the Holy Apostles, begins between May 18th and June 21st, depending on the date of Easter, and lasts until June 29th, which is known informally in the Russian Orthodox Church as Peter and Paul’s Day or simply Peter’s Day.

ⁱⁱⁱ Five arshins is 11 feet, 8 inches (3.56 meters).

^{iv} A holiday in honor of an icon of the Mother of God that appeared in Kazan in 1579 was celebrated on July 8th (July 21st, New Style).

^v Bruce’s calendar, first published in 1709, was a sort of almanac containing information on astronomical, geographical, religious, agricultural, and other topics. It was attributed to James Daniel Bruce, a.k.a. Iakov Vilimovich Brius (1670-1735), a Moscow-born member of Peter the Great’s administration, of Scottish descent.

^{vi} The narrator remarks only on Tatyana Grigoryevna’s pronoun use, but in the Russian text Tatyana Grigoryevna and Mikhail Fyodorovich each consistently use the formal “you” for the other.

^{vii} A pood was 40 Russian pounds or 36.1 lbs. (16.4 kg).

^{viii} “God’s Little Bird” (Птичка Божия or Птичка Божья), a song that appears in the text of Pushkin’s *The Gypsies* (1824), has been set to music many times, including by N. A. Titov (1831) and A. E. Varlamov (1842).

^{ix} A sazhen is 3 arshins or 7 feet (2.13 meters).

^x Clara Mowbray appears in *Saint Ronan’s Well* (1823), Rebecca in *Ivanhoe* (1820), and the Duke of Rothsay in *The Fair Maid of Perth* (1828).

^{xi} Scott’s novel *The Betrothed* (1825) was given the title *The Constable of Chester* in [Russian](#), French, and Italian translations, after one of that novel’s major characters (Eveline is another). It was first published with *The Talisman* as *Tales of the Crusaders*.

^{xii} The Russian text corresponding to “had fallen ill in earnest” is nearly the same as the second line of Pushkin’s *Eugene Onegin* (1823-31).

^{xiii} Jehanne M. Gheith, “Women of the 1830s and 1850s: Alternative Periodizations,” in *A History of Women’s Writing in Russia*, ed. Adele Marie Barker and Gheith (Cambridge, England: Cambridge UP, 2002), p. 85.

^{xiv} Fedor Koni’s journal *Pantheon* was [quoted in *The Muscovite*](#) praising Ol’ga N. in these terms: *Moskvitianin* vol. 2, no. 5, part 1 (March 1854), pp. 44-45.

^{xv} M[ary] Z[irin], “Èngel’gardt, Sòf’ia Vladímirovna,” in *Dictionary of Russian Women Writers*, ed. Marina Ledkovsky, Charlotte Rosenthal, and Zirin (Wesport, CT: Greenwood, 1994), 173.

^{xvi} See Botkin’s letter to N. A. Nekrasov of September 3, 1855, and the commentary by M. M. Gin, N. N. Mostovskaia, and B. V. Mel’gunov in Nekrasov, *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* (1981-2000), vol. 11.2: 361. For Leskov’s caricature see especially book 2, chapters 6-7 of *No Way Out* and the [commentary by N. I. Totubalin](#) in N. S. Leskov, *Sobranie sochinenii v odinnadtsati tomakh*, vol. 2 (Moscow, 1956), p. 744.

^{xvii} Zirin, p. 173.

^{xviii} It was Vera Aksakova who saw Ol’ga N.’s early stories as immoral: “[Dnevnik Very Sergeevny Aksakovoi \(1855 g.\)](#),” *Minuvshie gody* vol. 1, no. 12 (December 1908): 212. Sof’ia Bibikova was paraphrased as objecting in 1862 to Ol’ga N.’s efforts to confine women to the domestic sphere: S. [A.] V[engerov], “[Bibikova, Sof’ia](#),” in *Kritiko-biograficheskii slovar’ russkikh pisatelei i uchenykh (ot nachala russkoi obrazovannosti do nashikh dnei)*, vol.3 (St. Petersburg, 1892): 246.

^{xix} For Biriukova’s online republications of Ol’ga N. in modern orthography [see the page of the Biblio-Biuro Strizheva-Biriukovoi on proza.ru](#).

^{xx} Ol’ga N. [Sof’ia Engel’gardt], “Iz vospominanii (prodolzhenie),” *Russkii vestnik* 193 (November 1887): 160-66.

^{xxi} Catriona Kelly, *A History of Russian Women’s Writing 1820-1992*, Oxford: Clarendon P, 1994, pp. 60-63, 71, 75.

^{xxii} Gheith, pp. 86-89. Other patterns Gheith finds in women's writing apply to "The Old Man" better, especially an "open-ended style which poses questions and leaves them unresolved" (pp. 89-90) and perhaps implicitly "the problem of attaining the right balance between books and real life" (p. 94).

^{xxiii} In the journal publication: такому-то instead of какому-то.

^{xxiv} In the journal publication: развились instead of развелись.

^{xxv} In the journal publication: постиле instead of пастиле.

^{xxvi} In the journal publication: компанию instead of кампанию.

^{xxvii} In the journal publication: привели instead of привело.

^{xxviii} In the journal publication: не для кого instead of ни для кого.

^{xxix} In the journal publication: подчуете instead of потчуете.

^{xxx} In the journal publication: принаровляясь instead of приноворяясь.

^{xxxi} In the journal publication: души не знает. Possibly a typo for души не чаёт or possibly a survival of an old version of the expression, cf. the use of знает in "[Бедственное мгновение: Сказочка](#)" (1776) by M. N. Murav'ev.

^{xxxii} In the journal publication: трофиль instead of профиль.

^{xxxiii} In the journal publication: одного instead of однако.

^{xxxiv} In the journal publication: деинственным instead of единственным.